

Татьяна Коростышевская
ПРОКЛЯТИЕ-
МИНЬОН!

МИНЬОН

Татьяна Коростышевская

Проклятие – миньон!

«ИДДК»

2019

Коростышевская Т. Г.

Проклятие – миньон! / Т. Г. Коростышевская — «ИДДК»,
2019 — (Миньон)

Нет ничего тайного, чтобы не стало бы явным. Вот и секрет графа Шерези надолго сохранить не удалось. О том, что под личиной королевского миньона прячется очаровательная девушка Бастиана, знает и ее величество, и лорд-шут, без которого в королевстве не обходится, кажется, ни одна интрига, и кто-то из друзей, и кто-то из врагов. Заговоры, покушения, интриги. Тайный претендент на королевский престол Ардеры, и минимум два претендента на сердце Бастианы. Да и графское достоинство дает трещину в самый неподходящий момент.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Татьяна Коростышевская

Проклятие – миньон!

С вершины Авалона мир Спящего смотрится как огромная морская звезда, раскинувшая свои лучи в пять сторон света. Пять королевств занимают эти территории, пять правящих династий, пять и еще одна, потому что сам Авалон и предгорья его принадлежат феям. Так повелось издавна, и не нам с вами установленный порядок менять. Два северных луча – Скасгардия и Тариф, на западе – Домания, на востоке – Малихабар, а прямо от Авалона на юг простирается Ардера – богатый и благословенный край.

Наша история произошла в Ардере, правила которой красавица Аврора, когда – железной рукой, но чаще – облаченной в шелковую перчатку изящной ручкой. Ибо королева была хитра и предпочитала войне политику, а прямодушной мужской логике – изощренную дамскую хитрость.

Примерно на двадцатый год правления Авроры, храни ее Спящий, назревший в стране политический кризис заставил ее величество принять меры по смене ключевых игроков. Долгий мир полезен кошелькам, но губителен для правящих элит. Разленившиеся аристократы, погрязшие в интригах внутри двора, ничего не замечали, но Аврора видела начало конца. Ее тревожила и сохранность пока нерушимых ардерских границ, гарнизоны которых требовали все больших финансовых вложений, и стычки ее вассалов за спорные территории на западе, и то, что королевский университет, некогда славный на весь мир, хирел буквально на глазах, защитившись от внешнего мира стеной словоблудия и бессмысленных ритуалов.

Ардера, богатая процветающая Ардера напоминала своей правительнице того самого глиняного колоса из древних историй: хватило бы одного удара, чтоб все разрушилось. Внезапный неурожай, притеснения соседних держав, повлекшие за собой войну, кончина королевы... Последнее, к слову, волновало Аврору менее прочего. Она бездетна и не собирается это менять, она – последний представитель золотой кости. Все. Точка. Заменить ее нечем. А вот сменить военачальников и управленцев, влить свежую кровь ученым – это вполне ей по силам.

И тогда ее величество решила привлечь в столицу отпрысков провинциального дворянства, с тем чтоб из самых достойных сформировать новую элиту. Ей понадобились миньоны. Скабрзное словечко, пришедшее ей на ум, должно было усыпить опасения старой аристократии. Ну кому придет в голову, что некто, носящий столь потешное звание, может угрожать устоявшейся власти? Ведь что есть миньон? Игрушка? Постельная грелка стареющей королевы-девственницы?

Вот поэтому одним прекрасным погожим, почти осенним днем в столице оказалось две сотни молодых людей, провинциальных дворян, бедных, как университетские мыши, и столь же полных сил. И среди них наш главный герой – Бастиан Мартере граф Шерези, болтун, красавчик, забияка и... девушка.

Глава 1

Восставшие из пепла

Белоснежная Алистер изливала на мир свой яркий ночной свет, подчеркивая фиолетовый блеск Нобу, второй авалонской луны.

То есть, наверное, так оно и было, я-то в этот прекрасный час пробиралась извилистыми коридорчиками одного из замковых строений и любоваться могла только багровыми пятнами, всплывающими перед глазами вследствие непроглядной коридорной черноты и неодолимого похмелья, уже моего собственного.

Тысяча мокрых фаханов! Когда я наконец отомщу Гэбриелу, в окончательный счет будет вписано и это мое состояние. Потому что одно дело – использовать невинную деву в своих грязных интригах, а совсем другое – спаивать ее для этого. И плевать, что о том, что я дева, поганый ван Хорн не знает! Ведь с помощью своей феи, дарующей имена, и волшебного серебряного пояса я превратилась в почти неотличимого от настоящего мужчину. Ах, пардон, не ван Хорн, а ван Харт. В этом-то его грязная интрига и заключалась. Сиятельный жулик заставил своего настоящего родителя от себя отказаться и быстренько усыновился в другое место. У нас в Шерези это называется – переобуться на ходу.

Самое обидное, что все Гэбриеловы маневры ему негодились бы, попроси он меня о помощи, просто по-дружески. Я бы с удовольствием сыграла роль его любовника, чтоб насолить жестокому отцу, и хохотала бы, наблюдая разъяренную рожу канцлера. Я бы чувствовала себя великим трикстером и хитрецом, а вместо этого, глотая слезы, я пробираюсь в единственное место, где, я знаю, мне никто не помешает.

Праздник закончился, ничто не мешало мне вернуться в миньонские казармы к друзьям, но мне не хотелось компании. Мне хотелось тишины и одиночества и пореветь, сняв волшебный пояс фей, чтоб хоть на полчаса превратиться опять в Бастиану, обычную деревенскую девчонку, которая ревет, потому что ее обидел парень, который ей так нравился.

Последний поворот, чадающие факелы в настенных креплениях, массивная дверь. Это покои Мармадюка, моего достойнейшего учителя, настоящего трикстера и хитреца, шута ее величества Авроры.

Я знала, что эти покои пусты. Потому что их хозяин в данный момент занят в другом месте. Ну как занят... Хм-м... Надеюсь, самым приятным для него образом. Он в королевском саду утешает прекрасную куртизанку Моник. Вот, кстати, еще один повод для моей вселенской обиды. Кого-то любят в розовых куцах, а кто-то даже расплакаться не может, потому что ардерские мужчины не плачут.

Дверь скрипнула петлями, я вошла, на ходу потянула полу сорочки, чтоб обнажить живот и снять пояс, который прятался под одеждой, и замерла в полушаге.

– Граф Шерези? – Голос ее величества звучал серебряным колокольчиком.

Королева сидела в кресле, вполоборота к двери, горящие у стены свечи мягко освещали распушенные по плечам рыжие волосы. – Какими судьбами?

Я низко поклонилась, сложив руки перед грудью:

– Простите... Я...

– Мармадюк с вами?

– Что? Ах, нет... Он... слегка занят. – Я смешалась, поняв, что чем именно занят достойнейший лорд-шут, я объяснить не смогу.

Ведь если королева ждет его здесь, а он там... Нехорошо получается. Спящий знает, какие отношения связывают королеву и ее шута. И не мне открывать Авроре глаза на измену, если они, отношения, именно такие, как мне сейчас кажется.

– Простите, простите, ваше величество. Я пойду...

И говорила, и думала я сейчас с обилием многоточий, они сменили перед моими глазами давешние багровые пятна и мельтешили, мельтешили...

Ну вот, опять.

Попятившись и сметя отключенным крупом какое-то барахло с ближайшего стула, я ринулась к двери.

– Вам не было позволено удалиться. – Голос Авроры умел быть и стальным. – Успокойтесь!

Легко ей говорить! Успокойтесь! Как это сделать, когда сердце выпрыгивает из груди, мешая вдохнуть? Ведь передо мной королева, та самая леди, ради которой отправился в столицу бестолковый Шерези, в честь которой складывает по пятьдесят сонетов в день мой друг Станислас Шарль Доре, имя которой мой второй друг – лорд Виклунд произносит не иначе чем с придыханием, заставляя при звуках этого имени увлажняться изумрудные очи моего третьего друга – золотоволосого лорда Уолеса!

– Что вы там бормочете?

Я икнула и повторила свою тираду погромче.

Аврора хихикнула:

– Изумрудные очи? Увлажняются?

– Вне всяких сомнений!

– Сто пятьдесят сонетов?

– Не менее этого количества.

– А почему у вашего второго друга белесые глаза? Он пьяница?

– Он воин, – я пожала плечами, внезапно успокоившись, – но вряд ли этот факт связан со странной внешностью достойного лорда, просто когда Спящий или феи раздавали новорожденным младенцам в Тиририйских горах всяческие достоинства, красок на моего друга они пожалели.

– Кажется, я догадываюсь, о ком вы говорите: огромный беловолосый горец. – Королева кивнула на стул, с которого я так удачно смела мармадюково барахло. – Садитесь, мой друг, кажется, удерживать себя в вертикальном положении вам дается с трудом.

Я еще раз пожала плечами и присела, выставив вперед колени и оперевшись на него со всем доступным изяществом.

Спокойно, Басти! Ты с королевой! Воспользуйся этим шансом. Понравься ей, обаяй. Мужик ты или...

– Так что вы намерены теперь делать? – Аврора откинулась в кресле и запахнула на груди нечто белоснежно-кружевное, за что, будь я женщиной, отдала бы все припрятанные в матрасе деньги и от чего захотела бы немедленно избавиться собеседницу, будь я мужчиной.

Как же она прекрасна, наша королева! Горделивая осанка, тонкие запястья, высокая грудь, тонкая белоснежная кожа. Но, кажется, от меня ждали ответа.

– Не думаю, что должен в связи с этим что-то делать, – осторожно начала я, – можно, конечно, воспользоваться краской. Существуют хна, сурьма и прочие малихабарские экстракты, но, думаю, со временем я смогу привыкнуть к его внешности, и не прибегая к косметическим мерам.

Повисла тишина, очень скоро начавшая казаться мне гнетущей. Я взглянула прямо в лицо королевы, отметила ее приоткрытый в удивлении рот и изогнутые от природы брови.

– Вы сейчас о чем, Шерези?

Все-таки ардерские женщины уступают в уме мужчинам, даже венценосные. Как же она справляется здесь со всем, бедняжка?

– О лорде Оливере Виклунде, – объяснила я добродушно, – и о его шевелюре. Как изменить цвет глаз, я еще не придумал, но со временем...

Я смолкла, переживая приступ монаршего хохота.

– Вы такой милый дурачок, Шерези, – наконец проговорила ее величество, – милый маленький дурашка. Как называют вас друзья? Басти? Ах, нет. Мармадюк говорил мне, вы – Цветочек. Я тоже буду звать вас так.

– Как будет угодно моей леди, – ответила я и покраснела.

Все-таки ардерские женщины, чьим представителем я являюсь...

– Итак, Гэбриел ван Хорн теперь ваш враг? Не смущайтесь, милый. Мармадюк успел мне обо всем рассказать. Вы раздавлены или уже готовите месть?

Я вспомнила свой эпохальный плевок перед Гэбриелом.

– Вы думаете, мне следует вызвать его на дуэль?

– Никаких дуэлей, Цветочек! Это слишком прямолинейно и слишком по-мужски. – Тут ее величество мне подмигнула. – Так что у вас там? Амулет? Подвеска?

– Не думаю, что понимаю, о чем говорит моя леди.

– Мне велеть вам разоблачиться? – опять чуточку металла в голосе. – Вы же понимаете, что если я сейчас захочу вас раздеть, вы сделаете это?

– Понимаю. – Я посмотрела в сторону окна, за которым сияли авалонские луны: бежать не удастся.

Вот и закончилась моя история. Дальше меня ждет позор, общественное осмеяние и порицание и в худшем случае – казнь, а в лучшем – позорное изгнание. Реветь хотелось уже нестерпимо.

– Я – золотая кость Ардеры, на меня не действует колдовство фей. Так как тебя зовут на самом деле, милая? – Аврора поднялась из кресла, приблизилась и опустила ладони на мои плечи.

– Бастиана. – Я чуть склонилась, расстегивая под сорочкой пояс, и разревелась.

Слезы приносили облегчение, я плакала обо всем сразу: от обиды на Гэбриела, от неприглядной будущности, от стыда, от беспомощности и от того, что все наконец закончилось.

Королева отпустила мои плечи и хлопнула в ладоши:

– Пояс! Слава Спящему, я уж думала, ты подверглась необратимой трансформации, чтоб пролезть в монаршью постель!

А так можно было? Я не про постель, а про трансформацию, и, надеюсь, на этот раз не вслух, а мысленно.

Я всхлипнула и вытерла лицо рукавом. На казнь меня прямо отсюда поведут? И казнить как будут? Удушением или утоплением? Хотя я же не дворянин, меня и более кровавым способом жизни лишить можно.

– Что такое колесование? – Аврора склонила голову к плечу. – Ты бормочешь все время что-то странное.

– Это такой вид казни, малихабарской, скорее всего. У меня матушка, когда по малихабарской мифологии полотно писала, заставила меня много про тот край изучать, для достоверности. Потому что у нее самой все время на творчество уходит, а я... И-ик... Простите, ваше величество, у меня не получается себя полностью контролировать, особенно с похмелья. Я даже не всегда понимаю, когда говорю вслух, и... Простите!

– Ты пьяница?

Ну вот опять! Что за странные предрассудки? То Виклунд, то я.

– Скорее нет, чем да.

– Тогда зачем пила, если знаешь, как на тебя это действует? Ах, понимаю. Крошка канцлер тебя подпоил, чтоб воспользоваться?

– Канцлер? – Я протестующе икнула. – Не канцлер, а ван Хорн, то есть ван Харт... Ну то есть Гэбриел.

– Это вопрос времени. – Аврора вернулась в кресло и устроилась в нем с удобствами, видимо, казнить меня прямо сейчас она не собиралась. – Лорд Адэр, отойдя в чертоги Спящего, что, как ты понимаешь, в его возрасте может случиться в любой момент, передаст должность наследнику. И кстати, зная кое-что о его зяте, старичок сегодня максимально отодвинул этот грустный миг, о покушениях он теперь может не волноваться.

Я икнула на этот раз удивленно, потому что Аврора сочла необходимым пояснить:

– Сомневаюсь, что канцлер ван Хорн своими руками приблизит возвышение бывшего наследника. Изящный ход. Бастиана, о чем ты думаешь? Когда ты не бормочешь, мне сложно это понять.

– Вы говорите в точности как мой лорд.

– Твой лорд? Мармадюк? Ну, знаешь ли, близкие люди со временем перенимают манеру речи и образ мыслей друг друга.

Близкие люди? А Мармадюк, между прочим, вам рога сейчас наставляет, леди, колосистые, то есть ветвистые. Вот что значит мужчинам доверять!

– Кстати, где мой шут? – Королева взглянула за окно. – Он покинул меня более двух часов назад с тем, чтоб лечь спать. Хотя, знаешь, все к лучшему. Иногда у женщин возникает потребность побыть в абсолютном одиночестве, чтоб помечтать или поплакать.

Взгляд Авроры переместился на стену, туда, где висел портрет Этельбора, и глаза ее на самом деле увлажнились.

– Я иногда прихожу сюда, милая, именно когда хозяин сих покоев отсутствует.

– У лорда Мармадюка нет личных слуг, могущих нарушить уединение, – кивнула я с пониманием, – здесь ее величество никто не потревожит.

– Кроме мыслей. – Аврора поднесла ладони к лицу и будто стерла с него всю грусть. – Так что ты собираешься делать дальше?

– Теперь, когда мой обман раскрылся? – Свои слезы я вытерла рукавом. – Принять положенное мне наказание со всем возможным достоинством.

– Святые бубенцы! Только не начинай опять про колесование. Если бы мне хотелось тебя наказать, я сделала бы это и без предварительной беседы. Итак, твой обман раскрыт, но останется без последствий, если о нем не узнает никто, кроме меня. В противном случае, как ты понимаешь, мне придется изобразить неведение и отправить на эшафот наглую девку.

– Так я могу продолжить?...

– Продолжить, Цветочек, и победить! Ты должна стать блистательным миньоном и утереть нос всем этим дворянским отпрыскам, доказать, что ардерская женщина стоит больше мужчины или даже сотен мужчин!

Я смотрела на свою королеву, веря и не веря. Что толку от моей гипотетической будущей победы, если о ней будут знать всего двое – я и она, две ардерские женщины?

– Не двое, а трое.

Тысяча фаханов, я опять говорила вслух! Аврора продолжила:

– И один из нас мужчина. Мармадюк тоже осведомлен о твоей маленькой тайне, между ним и мною нет секретов, так что если мой достойный шут начнет подбивать к тебе клинья...

Я смутилась:

– Тут вы можете быть спокойны, ваше величество, занятия любовью губительны для фейского колдовства, поэтому мне придется блюсти свою девичью честь, чтоб оставаться благородным кавалером.

– Ты все еще дева? – Аврора хихикнула. – С твоей-то внешностью и страстной натурой? Как тебе это удалось?

– Ценой нечеловеческих усилий, – ответила я сквозь зубы.

– Бедное дитя, надеюсь, твоя жертва того стоит.

Я пожала плечами:

– Что сделано, то сделано.

– Ты права. Ну что ж, – ее величество перешла на решительный тон, – Цветочек Шерези, что ты намерен делать?

Она была прекрасна, моя королева, умна, как тысяча фаханов, и так же хитра. Мы беседовали с ней почти до рассвета, когда король наш Солнце появился на горизонте. Я поняла, насколько мне этого недоставало – возможности просто поболтать с особой своего пола, сплетничать о знакомых парнях, хихикать над подтруниваниями и не чувствовать на талии прохладные оковы фейского пояса.

Хотя, если начистоту, мне показалось, что беседа наша ведется, как будто на двух уровнях, как в театре теней, и я видела лишь то, что мне хотели показать. Аврора испытывала меня, выясняла как границы моей преданности, так и границы дружбы, а за разговорами о предстоящих шалостях скрывались замыслы более масштабных и менее невинных интриг.

– Значит, решено, – сказала Аврора, поднимаясь с места и прикрывая зевком раскрытой ладошкой, – это станет твоим первым испытанием, Цветочек, Гэбриел ван Харт понесет наказание.

– Как будет угодно моей королеве. – Я изобразила женский поклон, сложив руки перед грудью треугольником вниз, а затем, застегнув на талии пояс, повторила его мужской вариант. – Карающий меч не дрогнет в моей руке.

– И ты сохранишь тайну, милый. Никто не должен знать, что ты лично знаком с королевой, даже твои друзья, даже твой лорд Мармадук.

– Клянусь.

– Ты говорил, что твой достойный друг – Станислас лорд Доре не сможет сдать предстоящий экзамен?

– Да, – я кивнула, с опозданием подумав, что подвела своего менестреля, раскрыв его тайну королеве, – мы собираемся добыть ему специальные окуляры для остроты зрения, но пока не придумали, где и как именно.

– Вряд ли за две недели, оставшиеся до экзамена, вам это удастся. – Королева обвела комнату взглядом и быстро направилась к пристенному сундуку. – Если память мне не изменяет, с половиной этого дела я смогу вам помочь.

Она откинула крышку сундука, побренчала какими-то железками, сваленными внутри и извлекла узкий, обтянутый воловьей кожей футляр длиной не более локтя или четверти туаза:

– Держи.

Я с поклоном приняла футляр, отщелкнула изящную серебряную застежку и посмотрела на обычную стрелу, лежащую на расшитой золотом атласной подкладке.

– Этельбор был великим чародеем, – грустно улыбнулась Аврора, – иногда это вызывало ужас. После казни королевский совет повелел сжечь на костре все, что могло относиться к волшебству.

– Это колдовская стрела?

– Да, она всегда попадает туда, куда пожелает стрелок, выпустивший ее. Лорд Доре должен будет всего лишь представить себе центр мишени.

– Я думал, такое под силу только феям.

– Когда-то и я думала так, но Этельбор считал, что мы, люди, тоже способны...

Она замолчала, опустив голову.

Спросить напрямую о чувствах, обуревающих мою королеву, я не могла. Во-первых, я сейчас была мужчиной, а они таких вопросов не задают никогда, а во-вторых, боялась ее обидеть. Этельбор. Знала я о нем немного. Канцлер последней правящей династии, последний канцлер. Он был лордом моего лорда и, как теперь выясняется, что-то значил для моей королевы. Мармадук был его пажом?

– Учеником, – королева хихикнула, а я поняла, что опять проговорила свои мысли вслух, – лучшим и единственным. Это была непростая работа. Когда я появилась при дворе, бедняжка Мармадюк сидел на жердочке и клевал орешки. Его лорд как раз обучался изменению форм и...

– Превратил его в птицу?

– В попугая! В разноцветного болтливого попугая! Обратная трансформация не получалась, и более года крылатый скандалист терроризировал всех обитателей дворца.

– Поэтому лорд-шут не ест мяса?

Королева оборвала смех:

– Ты внимателен, Цветочек. Мне это по душе, запомни...

Нас прервали шаги в коридоре. Ее величество скользнула в угол комнаты, нажала на какой-то скрытый от меня тенями рычаг и юркнула в глубину тайного хода.

– ...никому ни слова.

Я едва успела пристроить футляр со стрелой на спине под камзолом, расположив его вдоль позвоночника и плюхнувшись в кресло хозяина, принять сонный и расстроенный вид.

Королева требует сохранения тайны, для чего – она мне объяснять не обязана, но сдается мне, что это – очередная ступень испытания для меня. Если я смогу скрыть наше с ней знакомство от его хитрейшества лорда-шута...

– Уже успокоился?

Мармадюк выглядел утомленным, но вполне довольным жизнью, как те весенние шерезийские коты, что возвращаются к теплоте камельку после побед любовных.

Зевнув, я сдула со лба непослушную челку:

– Я и не волновался. А вы как поживаете?

– Великолепно! – Мармадюк уселся напротив, немного по-птичьки склонив голову. – Ну давай, рассказывай.

– А что рассказывать?...

Действительно – что? Мне же приходится сейчас держать в голове одновременно две версии событий, и в той, которую вам, ваше шутейшество, знать полагается, моего разговора с королевой быть не должно. Значит, следует разнести наши версии по времени, а еще – перевести рассказ в русло, в котором собеседнику станет неудобно. Маменька моя называла этот полемический прием – «выбить стул из-под...» Честно говоря, то слово, коим эта сентенция заканчивалась, графиням знать и не положено. Что ж, приступим. Только осторожнее, граф...

– Сначала я заблудился в парке, ходил по нему кругами, как заколдованный феями, – я остановила взгляд на блестящей лысине Мармадюка, – а потом мое верное сердце привело меня к моему лорду.

– И чего желает узнать твое верное сердце?

Он спрашивал обо мне, но ладонь его уже потянулась к голове, он заметил мой взгляд, отсутствие волос его смущает, хоть он и не подает виду. Тот самый «стул» уже пошатнулся. Продолжайте, граф, вводите в беседу третьего.

– Моник говорила правду?

– Ты говорил с Моник?

– Ах, нет, милорд. Это вы говорили с ней. Я же сказал вам о сердце, мое сердце привело меня к вам, когда я был в парке и вы были в парке, и Моник, что примечательно, тоже там была. С вами!

Бах! Получилось! Мармадюк смутился, как мальчишка, пойманный в графском саду с полным ртом птичьей вишни. Благослови Спящий Консуэло графиню Шерези и ее хитроумие.

– Кхм... Что именно из сказанного Моник тебе хотелось бы уточнить?

То ли маменька Мармадюка была не менее мудра, то ли он сам всему научился с возрастом, но удар он парировал с изяществом, вернув разговор опять ко мне. К счастью, тема страдающей куртизанки опасной не была.

– Это она продвигала Гэбриела к вершинам власти? Посвятила этому всю жизнь, многим пожертвовала?

Мне стало обидно за всех ардерских женщин в ее лице. Мы, значит, слабые создания, кладем себя на алтарь мужского честолюбия, жертвуем всем подряд, а они, эти гадкие мужчины...

– Ох уж эти женщины. – Шут закатил глаза. – Я надеюсь, ты, Цветочек, не женщина?

Ах, какой сарказм пропадает. А то вы, ваше попугайство, не знаете, что да? Королева вам ничего такого не говорила? Досада какая!

Я закрипела бы зубами, если бы движение это не противоречило моему полному тихой скорби взгляду.

– Потому что женщины, любезный Шерези, – продолжал меж тем Мармадюк, – почему-то считают, что они многое значат в мужской судьбе, могут что-то решить, на что-то повлиять. Это все не более чем самообман, мой дорогой. А истина заключается в том, что Моник внушала одному своему любовнику то, что внушала ей другой любовник. Как только этот «другой» выиграл у «одного», она потеряла для него ценность.

Да знаю я, все знаю. Гэбриел ван Харт мне все доступно объяснил и даже наглядно продемонстрировал. Я оскалилась, не в силах сдерживать злость:

– Инструмент...

Я отомщу, меченый красавчик, и оставлю шрам в твоём сердце. Королева права, врагов нужно знать лучше, чем друзей, и только изучив все их слабые и сильные стороны, можно приступить к делу.

Лорд-шут посмотрел на меня, покачал головой:

– Если я удовлетворил твое любопытство, мне хотелось бы поспать.

Ах! Что? Только бы я не бормотала мысли вслух. Что за глупая привычка, мне незамедлительно нужно избавиться от нее.

– Простите, милорд, позвольте откланяться.

Кажется, на этот раз пронесло. Бочком выбравшись из-за стола, я молилась Спящему и супругам его, чтоб футляр со стрелой не выпал из-под камзола, чтоб кафтан не задрался, чтоб гладкая кожаная обивка не скользнула по спине... Разумеется, все три неприятности произошли одновременно, все скользнуло, встопорщилось и почти выпало самым скандальным образом.

«Меня обвинят в воровстве, недостойном дворянина преступлении, – думала я, разворачиваясь, – лишат земель и титула, – я подхватила локтем футляр, – и казнят!»

Махнув свободной рукой в сторону настенного портрета, я торжественно изрекла:

– Знаете, милорд, мне очень хочется, чтоб через много-много лет какой-нибудь убеленный сединами ван Харт сказал мне: «Похвала трикстера самого лорда Мармадюка, трикстера самого Этельбора...»

В меня полетел башмак:

– Сегодня. После ужина. Как обычно. Не опаздывай.

Я вышла за дверь, плотно зажав футляр под мышкой.

Утро было чудесным. Я запрокинула голову, любуюсь, как лорд наш Солнце золотит своими лучами шпили ардерского замка. Жизнь налаживается, Шерези, и становится все более и более интересной. У меня есть стрела, с помощью которой Станислас выдержит экзамен по стрельбе из лука, могущественный Мармадюк в явных покровителях и леди-королева в тайных. Чего еще желать? Разве что выспаться наконец и отомстить. Но ни то, ни другое мне в ближайшее время не светит. Для сна нужно свободное время, а для мести – хитроумный план.

Сейчас мне предстоит очередной учебный день – завтрак, занятия, обед, занятия, ужин, и вот после него...

Поймав пробегающего двором незнакомого мне пажа, я самым деловым тоном велела отроку вывести меня через ворота внутреннего круга. До казарм миньонов я могла дойти и в одиночестве, но стражникам требовался пропуск. Мальчишка особо не сопротивлялся, ткнул резную пластину в лицо привратного алебардщика и убежал по своим делам, а я прошла воротами, неся футляр в правой руке.

Канитель нарядного камзола (надо будет забрать у пажа ван Сола мою обычную одежду) тоже блестела в лучах солнца, видимо, это меня и отвлекло, потому что нападения я не заметила. Слева от арочного прохода ко мне метнулась размытая тень, удар под колено сбил с ног, я упала животом на футляр, попыталась повернуть голову, шею обожгло болью. Нападавший, схватив меня за волосы, навалился сверху всем телом и стал натягивать на голову мешок. Все это уже было, и я опять оказалась не готова. Я трепыхалась, бестолково шаря руками, хрипела, ощущая затягивающуюся на шее горловину мешка. Под руку попался футляр, уже раскрытый, наконечник стрелы впился в мякоть ладони и я изо всех сил пожелала, чтоб волшебная стрела Этельбора освободила меня.

В этот момент воздух кончился, я потеряла сознание.

Говорят, после обмороков первым возвращается слух. Врут. Первое, что я ощутила, открыв глаза и рассмотрев рябые пятнышки света сквозь худую мешковину – явственный запах гари. В ушах шумело, виски сжимало, грудь болела от моего неровного, всхлипывающего дыхания. Я села, освободила голову, распутав на шее пеньковую мешочную веревку. Нападавшего рядом не было. А вот стрела была. Она лежала тузаха в четырех, на заканчивающейся дорожке из капелек крови. Чужой крови, не моей. По этой дорожке я ползла на четвереньках, пока спасительница не оказалась в моих исцарапанных руках, а потом подняла к небу глаза и от всей души вознесла благодарственную молитву причастным – Спящему, супругам его – Нобу и Алистер, а также Этельбору, которому, как я надеялась, нашлось местечко в божественных чертогах, невзирая на его колдовство. Потому что если бы не это колдовство, в чертогах сегодня оказалась бы я. То, что в этот раз меня собирались вовсе не пугать, а лишить жизни, сомнений не вызывало.

И вот тут ко мне вернулся слух.

– Пожар в миньонской казарме! – кричал кто-то за поворотом.

– Все живы?

Ответа я не расслышала, поэтому на полуслове закончила молитву, обернула стрелу в носовой платок и припустила к казарме.

У нас в Шерези тоже случались пожары. Особенно в деревне. Там, где жилища из дерева, а в быту используется огонь, это не редкость. И именно поэтому я знала: многое зависит от того, насколько быстро и слаженно действуют жители, передавая воду из ближайших источников. Столичные пожары, видимо, отличались от провинциальных. Этот проходил будто бы вполголоса. Не звучало тревожного сигнала, не слышалось криков обитателей замка, сзывающих друг друга на подмогу, не топотали по дорожкам сапоги стражников.

Нет, люди, конечно же, были, десятка полтора. Они растерянно стояли перед наглухо закрытыми дверями казармы – прислуга, пришедшая готовить залу к завтраку, дежурный учитель с помощниками, «лиловый плащ» без плаща, но с ростовым луком, видимо, собиравшийся вести часть миньонов на стрельбище для тренировки.

Зловонные струйки дыма, странного и плотного, который не поднимался вверх, а стелился по земле подобно щупальцам экзотических морских тварей, выползали из поддверной щели на крыльцо и струились вниз.

Вот почему пожар не спешат тушить. Пока огонь тлеет внутри, в наглухо закрытой казарме, а как только двери откроют, внутрь попадет воздух и тогда полыхнет уже по-настоя-

щему. Но почему я не вижу ни одного миньона? Неужели они все там, внутри? Страдают от удушья, не в силах спастись? И почему дым такой странный?

Ужас мириадами липких паучьих ножек пощекотал меня изнутри, пролез внутрь сквозь приоткрытый рот, забился в ноздри и глаза, заставив расплакаться, сердце заколотилось о ребра, я обхватила себя руками, чтоб оно не выскочило, и замерла, тихонько желая, чтоб все поскорее кончилось.

– Разойтись! – скомандовал лорд Виклунд, проносясь мимо меня с бадьей наперевес.

Он был по пояс обнажен, мокрые волосы хлестали по спине, когда Оливер, развернувшись на бегу, выбил плечом дверь. Из бадьи плеснулась вода, языки огня лизнули спину горца, уже ничем не сдерживаемый дым вырвался наружу.

– Не дышать! – «Лиловый плащ» тоже отмер, будто по команде, бросил лук и побежал к двери. – Дым ядовитый! Всем разойтись. Зовите лекарей! Несите воду! Выбивайте окна!

Последний приказ был обращен к стражникам, появившимся из-за поворота.

Ветеран на бегу рванул подол сорочки и завязал лоскутом нижнюю часть лица, прежде чем нырнуть в клубы дыма, в которых уже скрылся лорд Виклунд.

Мой ужас никуда не делся, просто думать о нем я перестала. Я дернула за чепец ближайшую подавальщицу, у ног которой стояла плетенка с выглядывающими бутылочными горлышками.

– Мой лорд!

– Сохрани это для меня, милая. – Я отдала девушке стрелу, подхватила бутылку из корзины, выбив пробку о каблук, смочила крахмальную ткань чепца вином и, прикрыв этой маской лицо, вошла в казарму.

Вот это я понимаю – пожар. Сейчас выбьют окна, огонь вылижет межкроватьное пространство дочиста, если перекрытия повреждены, здание рухнет в считанные минуты. На кухню я не пошла, сразу свернув направо, в свое крыло, где Виклунд уже колотил в ставни.

Огня в комнате не было. Были неподвижные миньоны в своих кроватях и был дым. И он действительно был каким-то не таким. Я дышала неглубоко и через маску, но вокруг меня бесновались фаханы, их глумливые рожи кривлялись перед глазами, мешая рассмотреть, что с моими друзьями, живы они или уже отправились в чертоги Спящего.

Ритмичные удары Оливера замедлились, даже сквозь фаханово марево я видела, что дела его плохи, движения стали тягучими, будто под водой, и колотил он не в ставню, а в казарменную каменную стену.

Я бросила в него бутылкой:

– Девчонка! Лорд Виклунд дерется как курица! – проорала я, дым юркнул в горло, голову повело, как от сильного опьянения.

Оливер медленно повернулся – глаза его были белыми и безумными, а из плеча торчали осколки бутылки – и зарычал.

– Твои враги сзади, лорд Виклунд, – хрипела я из последних сил, – убей их всех!

Он саданул в стену, плотно подогнанная кирпичная кладка разлетелась, как картонная башня, и мою спину обожгло, огонь ворвался в спальню.

Затем все было как в дурном сне. По подбородку текла кровь от прокушенной губы, я слизывала влагу, чтоб хоть как-то перебить поганый вкус ядовитого дыма, принимала у кого-то ведра с водой, выплескивала их вперед, не глядя, затем, уже преодолев все пространство спальни, вывалилась во двор сквозь пролом в стене и не могла надышаться, валяясь на земле, потом жевала траву вместе с корнями и налипшей на них землей, потом меня рвало так эпично, что, если о моих подвигах когда-нибудь будут сложены легенды, я требую включить в них и описание этого процесса.

А потом ко мне подошел дерганый молодой человек в зеленой робе и сказал, что мне надо показаться лекарям.

Ситуация была чрезвычайной. В большой тронной зале собирался королевский совет, а Мармадюк со своей королевой сидел в малой и ерзал.

– Ты мне мешаешь, – бросила королева в раздражении, ни на мгновение не прерывая своего занятия.

Ее величество медленно водила раскрытыми ладонями над столешницей, инкрустированные в нее кристаллы послушно загорались при приближении монаршей ручки и гасли, когда она отдалялась.

Малую тронную залу охраняло две дюжины «лиловых плащей» и отряд дворцовой стражи, чтоб никто и ничто не мешало уединению королевы.

– Больше сотни мальчишек, Аврора! – Яркие, как маслины, глаза шута блестели. – В одну ночь мы потеряли их всех. Уж насколько я черствый человек, но это просто за гранью! Со времен Ригеля Безумного не было столь масштабных и столь жестоких нападений. И это не просто молодые люди. Аврора. Это дворяне! Как мы оправдаемся перед их родителями? Перед Ардерой? Мы пригласили к себе во дворец наследников семей и всех здесь уморили? Ты понимаешь, что близка к потере трона? Твой совет съест тебя без соли уже потому, что идея возрождения миньонства принадлежит тебе?

– Тсс. – Аврора встряхнула кисти рук и поморщилась. – Смотри, милый, почти все кристаллы отвечают золотой кости, они живы, наша надежда... Помолчи...

– Это невозможно! Их всех осмотрели лекари! Никто из тех, кто провел ночь в миньонской казарме, не подает признаков жизни!

Ее величество не слушала, она склонилась над столешницей, что-то привлекло ее внимание:

– Малахитовый треугольник. Милый, будь добр, посмотри вон в том фолианте, где у нас перечисление приморских дворянских родов, неподалеку от Доремара.

Шут подошел к алькову, в котором прятался еще один стол – письменный, стал перебирать стопки книг:

– Дофемонды, де Краон, Шабо.

– Дофемонды точно красные, – Аврора наконец откинулась на спинку кресла, – их камень – каплевидный рубин. Посмотри, у кого из двух оставшихся фамильным кристаллом является малахит, и сравни со списком миньонов.

Мармадюк зашуршал бумагами, ее величество в ожидании прикрыла глаза: королевское волшебство – дар золотой кости – требовало от ее обладателя нечеловеческих усилий.

– Де Краон, – наконец сообщил шут, – наследник Жан Батист, проходящий испытания в составе красного крыла твоих миньонов.

– Что ж, – грустно сказала королева, – де Краоны сегодня остались без наследника. К сожалению, их кристалл мне не отвечает. Надеюсь, у этой семьи есть еще сыновья, которые... которым... – Она не закончила фразы, смахнув со щеки влагу. – А теперь, милый, идем.

– Куда?

– Разумеется, проводить большой королевский совет, теперь нам есть что им сообщить.

Мармадюк встряхнулся, на мгновение став похожим на мокрую птицу, и пошел к двери, пропустив королеву вперед.

– Лорд Данзас! – обратился он к капитану дворцовой стражи. – Отправляйтесь в миньонскую казарму и разыщите там Жана Батиста де Краона.

– Куда доставить тело? – Капитан был осведомлен обо всех событиях во дворце лучше прочих.

– Туда же, куда и остальные. Всех пострадавших, нет, условно выживших переместить в королевский госпиталий под присмотром лекарей и медиков, при де Краоне оставить дополнительную охрану.

– Куда прикажете девать выживших не условно? Несколько человек провели ночь за пределами казармы.

Мармадюк хмыкнул:

– Этих под арест до последующих распоряжений. И придумай что-нибудь устрашающее, чтоб допрос, когда у меня найдется на него время, проходил с наименьшим сопротивлением допрашиваемых.

Лорд Данзас тоже хмыкнул, его работа при дворе немало способствовала развитию сообразительности.

Глава 2

И ввергнутые в бездну

Как говаривала моя матушка, если жизнь преподносит тебе лимоны, постарайся сделать из них лимонад. Я всегда списывала эту странную сентенцию на инородное происхождение моей родительницы, это, может, в их Домании лимоны – дело обычное и то, от чего принято кривить рот, а у нас в Ардере – деликатес, каких поискать. И вообще, если ардерцу жизнь поднесет лимон, он пустит его на пунш долгим зимним вечером, а не в лимонад, который, как всем известно, делается вовсе из груш особого сорта, ароматных и сочных, но в пищу непригодных.

О чем это я? О лимонаде! То есть о грушах! То есть о том, что самое страшное событие в нашей жизни может стать прекрасным, а точнее удачей.

То, что Бастиана Мартере графа Шерези подвергли аресту, оказалось невероятным везением для Бастианы. Ведь промедли королевская стража всего лишь на минуту, меня осмотрели бы лекари и осмотрели бы в полностью раздетом виде, вместе с моими коко-де-мером и волшебным фейским поясом в комплекте. Потому что к моменту ареста я проигрывала бой с четверкой мускулистых молодых людей в зеленых робах. Кто их только в лекари понабирал, таких здоровых? А может, это занятия медициной развитию мускулатуры способствуют? Может, у них каждый болящий сопротивление оказывает, и его, прежде чем вылечить, надо стреножить и заткнуть рот кляпом, чтоб не кусался?

То, что сопротивлялась я не одна, дало мне с десятков минут форы, которыми я, глупая женщина, не воспользовалась, засмотревшись, с каким азартом эскулапы вяжут Виклунда. Оливеру осмотр тоже претил, видимо, потому что он до сих пор находился в своем боевом безумии. Он отмахивался от лекарей, как от зеленых мух, и продолжал крушить казарму. Один из парней вскочил великану на загривок, второй, тот самый дерганый, который прервал мое эпичное времяпровождение своим появлением, заорал:

– Точка слева, на два пальца ниже эпистофея!

Куда там надавливали, чтоб привести в чувство моего друга, я не увидела из-за мельтешащей белесой гривы последнего.

Оливер обмяк, с него быстренько стянули штаны, явив свету великаново мужское достоинство. Мой коко-де-мер сравнений не выдерживал, я вздохнула с невольной завистью: кому-то Спящий отсыпал достоинств с избытком, а кому-то надо экзотические орехи в гульфик подкладывать. И только в этот момент поняла, какой опасности сама подвергаюсь. Я завизжала, когда дерганый потянул ко мне ручки, нет, ручищи, и подскочила как ошпаренная. Только через мой труп!

– Это последствия отравления, мой лорд, – сладенько бормотал лекарь, – тревожные видения владеют вашим разумом, это всего лишь я, брат Гвичи – помощник доктора, я всего лишь попрошу вас снять кафтан и камзол, и сорочку, и штаны, и чулки, и башмаки...

Видимо, монотонное перечисление предметов гардероба должно было успокоить больного, меня же оно повергло в еще больший ужас, особенно про штаны.

– У меня нет братьев! – голос дрожал.

– Извольте, мой лорд!

– Не изволю!

– У нас еще один буйный, братья, – проговорил Гвичи с оттенком усталости и молниеносно прыгнул.

Я тоже отскочила с места, наткнулась на чью-то железную грудь, увернулась, присев, дернулась, отбирая из чужих рук полукафтана, еще раз взвизгнула, ощутив резкую боль в залом-

ленной за спину руке. Обрастая родней, как гнилой фрукт мухами – братьев вокруг меня было уже четверо, – я решила пропадать, так с музыкой.

Родственник номер раз получил от меня по бубенцам, номер два украсился следами ногтей на щеках, третий – узором отпечатков зубов, и то только потому, что я промахнулась, а мог бы и уха лишиться, ну а номеру четыре достался мой коронный удар в лоб. Я была не я, а вихрь, сеющий смерть и разрушения.

– У него тоже боевое безумие? – держась за низ живота, простонал один из противников. – Эпистофей!

– Сам ты... – Я тяжело дышала, выворачиваясь из железных объятий брата Гвичи. – Эпистофей...

– Граф Шерези, вы арестованы!

И слова эти прозвучали в моих ушах хором авалонских фей.

– Слава Спящему, – набожно проговорила я, закатив глаза и от души пнув брата Гвичи по тощему задку.

Мой арест был произведен незамедлительно.

Арест лорда Виклунда проводился гораздо медленнее и с меньшим успехом. Друг мой в себя приходить не желал: ни крики над ухом, ни обливание холодной водой не приводили его в сознание. Зная, что после приступа боевого безумия на Оливера всегда накатывает слабость, я несколько не тревожилась. Полежит еще немножко, почувствует холод (если бы я лежала без штанов на земле, непременно бы почувствовала) и придет в себя. Хотелось бы узнать у него, где Патрик и Станислас и причину ареста, но это уже не к Оливеру. Я осмотрелась.

Охранники наши (или правильнее называть их тюремщиками?) тоже ждали, переговариваясь вполголоса, братья-медикусы удалились куда-то за угол казармы и пропали из виду. Судя по доносящемуся до нас шуму, у входа кипела жизнь, из стенного пролома тянуло дымом, но не странным, а вполне обычным. Было понятно, что пожар потушен и пострадавшим в нем миньонам требуется помощь врачей.

– Куда всю эту ораву закапывать будем? – В голосе стражника слышалось предвкушение.

– погоди их хоронить, – сказал второй, – капитан велел транспортировать миньонов в госпиталий...

Слава Спящему, значит, они все-таки живы. Мысль о массовой гибели моих друзей, до сего момента загнанная в самую глубь моего естества, наконец получила разрешение материализоваться. Она стала безопасной.

– Ой, – тоненько протянул лорд Виклунд, садясь на земле и прикрываясь руками. – Что здесь произошло? Почему я без штанов?

– Ты проиграл братьям-медикусам, – любезно ответила я.

– В карты? – Оливер с опаской заглянул под ладони.

Его тоже заковали в ручные кандалы, только после этого позволив натянуть штаны.

– Извольте, лорды, – скомандовал стражник, – мы проводим вас в узилище.

Я только пожалала плечами, Виклунд, еще слабый после приступа, тоже не сопротивлялся. Его знатно шатало, на спине подсыхала дорожка крови. Осколки моей бутылки повредили кожу, но, судя по тому, что мне удавалось рассмотреть, раны были неглубокими и чистыми.

– Где Патрик и Станислас? – спросила я вполголоса, принаравливая шаг к его. – Что ты видел? Когда начался пожар?

– Мы с доремарцем ночевали в купальне, – ответил великан. – Я проснулся на рассвете, вышел по надобности и увидел дым, что было дальше, помню слабо.

– А лорд Уолес?

– Патрик покинул нас в полночь перед закрытием казармы, значит, он был внутри.

Тревога опять разрослась, грозясь вырваться наружу отчаянными слезами. Мне срочно нужно поговорить с кем-то обладающим информацией, иначе я просто взвою. Я хочу говорить

с лордом-шутом! Арест – это, конечно, здорово и познавательно, но, кстати, о его причине мне тоже хотелось бы узнать.

Разумеется, мое неведение никто не спешил исправлять. Стражники на вопросы не отвечали, более того, градус их расположения изменился в худшую сторону после быстрых негромких переговоров со встреченным по дороге лордом с капитанскими нашивками. Нас с Виклундом перестали называть на «вы», последнего снабдили еще и ножными кандалами, а меня наградили тычком в спину, когда конвоиру показалось, что я замедлила шаг.

В узилище, огромном и квадратном, было сыро до промозглости, темноту слегка рассеивали настенные чадающие светильники числом три. Освещали они пяточок прелой соломы по центру, край дощатого помоста у стены и белые кости человеческого скелета, прикованного к стене противоположной.

Меня втокнули в помещение первой, я упала на солому и, не в силах сдерживаться, в голос заржала.

– Тебе весело, Цветочек? – Виклунд просеменил к помосту и уселся там, доски скрипнули под его весом. Дверь медленно закрылась, снаружи громыхнул засов.

– Скелет! Оливер! Скелет! Какая дешевая... нелепая... жалкая...

Смех становился все выше и дробнее, сменившись рыданиями. Ардерские мужчины не плачут, никаких вам жемчужных дорожек слез и прочей дамской дребедени. Всхлипы, похожие на кашель и собачий лай одновременно.

– Думаешь, они все умерли?

– Думаю, кому-то этого хотелось, – великан рассматривал свои ручные кандалы со вниманием, которого моя истерика удостоена не была, – и думаю, что наши с тобой, граф Шерези, усилия в том числе не позволили этому желанию исполниться.

– Тогда почему мы под арестом?

– Потому. Ты умеешь открывать замки? Нас не заковали, значит, где-то на этих браслетах есть защелка.

Процесс освобождения от пут занял мои мысли и довольно много времени. Швейные принадлежности были при мне, под сорочкой, достать их было делом плевым. Самая толстая игла вошла в углубление у самой цепочки, встретила на своем пути какую-то преграду и отодвинула ее после дюжины моих ругательств. Браслет раскрылся, одна из рук Оливера оказалась свободной. Он отобрал у меня иглу, и дело пошло быстрее, хотя поругиваться я не перестала. Избавившись от кандалов, мы продолжили беседу.

– Некто устроил пожар в казарменной кухне.

– Не просто пожар, – мотнула я головой, – дым явно был ядовитым. Значит, миньонов хотели не сжечь, а отравить.

– Тогда почему просто не закупорить дымоход, чтоб все угорели во сне?

– Это ненадежно, кто-то, обладающий беспокойным сном, мог разрушить этот план еще в самом начале...

Громыхнул засов, мы повернулись к двери. Станислас без мандолины выглядел более обнаженным, чем Виклунд без штанов часом ранее. Взлохмаченный, расхристанный менастрель поприветствовал нас и присоединился к посиделкам. Он знал еще меньше нашего, арестовали его в купальне, толком не разбудив.

– Где Патрик?

Я пожала плечами.

– А где ты шатался все это время, Цветочек? Провел ночь с ван Хорном?

– Вот уж нет! И не с ван Хорном, а с ван Хартом, меченый... – я хотела по привычке обозвать Гэбриела «меченый красавчик», но вовремя исправилась, просто пропустив второе слово эпитета, – за эту ночь успел сменить родителя!

И я поведала друзьям о событиях бала и своих ночных злоключениях до момента встречи с королевой.

– Так ты провел ночь с Мармадюком?

– Не с ним, а у него, лорд-шут отсутствовал, так что я просто промаялся ожиданием в его покоях до утра.

Дверь опять открылась, наша компания пополнилась еще одним узником, который с нами не поздоровался, а прошествовал в темный угол и присел на помост там.

– Лорд ван Харт! – сиропно проговорила я. – Неужели и вас, такого достойного будущего канцлера, подвергли позорному аресту?

– А у меня отобрали инструмент, – пожаловался Станислас, разрушив наступившую за моим вопросом гнетущую тишину.

– Где же вы провели ночь, любезный ван Харт?

Во второй раз гнетущей тишины не получилось, Гэбриел выразил сочувствие менестрелю, блеснув глазами из полутьмы, меня вниманием не удостоив.

Мне стало обидно, просто до зелененьких фаханчиков. Ты жалкая, Басти, жалкая брошенка, как назвали бы тебя в Шерези в такой ситуации. Парень объяснил тебе доступно – он не желает иметь с тобой ничего общего. «Бастиан Мартере граф Шерези, я прошу вас больше никогда не докучать мне своим присутствием...» Куда уж доступнее. А ты, глупая девка, пытаешься его теперь уколоть, докучаешь. Знаешь почему? Потому что хочешь чувств, если не любви, то ненависти, равнодушие Гэбриела ранит тебя.

Я поморгала, чтоб зелененькие фаханчики перестали мельтешить перед глазами. Избавление от воображаемой нечисти заняло минут пять, все это время сокамерники поддерживали негромкую беседу. Надо было спасать, если уж не ситуацию, так лицо – вступить в разговор и перевести его в другое русло.

– Лорд Виклунд, – сказала я строго, – извольте продемонстрировать нам свой эпистофей.

Вот теперешняя тишина была такой, как надо. Ее можно было резать ножом и мазать на хлеб, такой она была тяжелой. И гнетущей, как могильная плита. И звонкой, как жужжание летних мух над помойкой. Миньоны переглянулись, Станислас несмело улыбнулся другу, Оливер залился румянцем, а на ван Харта я не смотрела.

– Ты уверен, Цветочек? – очи лорда Виклунда опустились вниз, к гульфику. – Не думаю, что там остались для тебя загадки.

Румянец приобрел оттенок зрелой вишни, перезрелой вишни и приблизился к цвету раскаленного в кузне металла за считанные мгновения.

Святые бубенчики, какие эпичные болваны населяют Ардери! Проигнорировав полный ужаса взгляд, я сама схватила великана за белоснежную гриву и заставила его склонить голову.

– Это шейный позвонок, – негромко сказал ван Харт.

Я сделала вид, что не слышу.

– Второй от основания черепа.

Считать позвонки мне не пришлось, потому что на два пальца ниже и правее на коже лорда Виклунда был вытатуирован простецкий крестик, на который и предписывалось нажимать в случае незапланированного впадения вышеозначенного лорда в боевое безумие. На всякий случай я понажимала туда раз пятьдесят и давила бы еще, если бы Виклунд не стал отбиваться.

– Чудесно, – сказала я, опускаясь на помост, – теперь у нас на одну тайну меньше. Нам осталось выяснить, кто поджег нашу казарму и...

Проснулась я часов через пятнадцать, когда его лордейшество Мармадюк изволил о нас вспомнить и призвать для допроса, и проспала бы и семнадцать, но к несчастью, именно с меня его шутейшество решил начать.

Меня протащили коридором и втокнули в соседнюю камеру, где не было скелета у стены, зато были дощатый стол и кресло, накрытое шкурой, в котором устроился лорд Мармадюк, и табурет, на котором, видимо, предполагалось разместить допрашиваемого. А еще там была жаровня с раскаленными щипцами на ней и толстенный мужик в маске неподалеку. Палач? В программу увеселения входят пытки?

– Для начала, граф Шерези... – Шут запнулся, с удивлением наблюдая мои действия.

Наскоро поклонившись, я оббежала камеру по периметру, обогнула палача, толкнула дверь, скрытую в дальней стене и юркнула за нее. Какие, к фаханам, щипцы, если граф Шерези не посещал места уединения уже... Ой-ой-ой... Какое счастье, что даже столь специализированные помещения Ардеры оборудованы этими самыми местами, и какое счастье, что для пущего уединения на дверях есть засовы с внутренней стороны. А какое массивное дверное полотно! Какие крепкие петли! Они чуть поскрипывали от мощных толчков снаружи, но и не думали ломаться.

– Терпение, любезные лорды! – проорала я. – Через минуту я буду готов ответить на все ваши вопросы!

– Ты собираешься выходить, Цветочек? – донесся до меня голос Мармадюка.

– Какой хороший вопрос. – Я одобрительно похлопала мокрыми ладонями: в комнатенке обнаружили также умывальный таз, кувшин и стопка чистых полотенец, поэтому, решив проблемы неотложные, я умылась не без удовольствия, марая полотенца копотью. – Мой ответ – нет!

– Но почему?

– А этот вопрос сложен и однозначно ответить на него я пока не могу. Ну, пожалуй, в-первых, подозреваю, что вы, мой лорд, намереваясь меня запугать и лишиться способности к сопротивлению, собираетесь подвергнуть меня пыткам или...

– Ты боишься?

– Да!

– Меня?

– В основном – жирдяя в маске.

Воцарившаяся в камере тишина меня слегка встревожила, я прислонилась ухом к двери. Бормотание, тяжелые шаги, скрип, шаги удаляются.

– Выходи, Почечуйник.

Я откинула засов:

– А он точно ушел?

– Кто? Герцог Турень? Можешь быть уверен, после такого-то оскорбления.

– Я принял достойного лорда за палача, – повинилась я и, доковыляв до табурета, без сил на него опустилась.

Было неловко. Ну с чего я решила, что передо мной палач? Потому что толстый? Так это не обязательно, наверное. Наоборот, говорят, что полные более добродушны. А бывают ли добродушные палачи? Наверное, да. Может, они на работе работают, топором машут до седьмого пота, а потом приходят домой, целуют жену, ребятишек своих приветливо... топоричем... Я тряхнула головой. Что-то мысли разбегаются вовсе не в нужном направлении. При чем здесь вообще палачи?

Мармадюк между тем подошел к жаровне, поворошил в ней щипцами, выкатил на край растрескавшийся от жара каштан:

– Будешь?

– С удовольствием!

Сорочку было все равно уже не спасти, поэтому, принимая угощение, я раскатала манжету до самых кончиков пальцев. Ощувив во рту маслянистую каштановую мякоть, я поняла, насколько была голодна. Сейчас бы чего-нибудь посуше пожевать: хлеба и мяса,

можно и без хлеба, но с вином или даже не с вином. Пить захотелось до обморока, о чем я и сообщила лорду-шуту самым решительным образом, закашлявшись и колотя себя по груди.

Его лордейшество, видимо, на такое развитие допроса не рассчитывал, поэтому, быстро посмотрев по сторонам, принес мне из смежной комнатенки умывальный кувшин, в котором еще оставалась вода, уже через минуту перелившаяся в мое исстрадавшееся горло.

– Спрашивайте, – милостиво разрешила я, отдуваясь.

– А ты ни о чем спросить не хочешь?

– А мне будет позволено?

– А почему бы и нет?

– Может, потому, что допрашивают именно меня, а не вас?

Мармадюк вздохнул, признавая поражение в игре «Отвечай вопросом на вопрос, пока собеседник не дойдет до белого каления»:

– Тогда для начала поведай мне об этом предмете.

Я проследила взглядом, обнаружив на столешнице свою волшебную стрелу.

– А вот герцог Турень, – начала я осторожно переводить беседу в безопасное русло, – это же батюшка достойного лорда Анри, моего соратника по черному крылу? И тучность у них, видимо, передается по наследству из поколения в поколение? То-то мне стать достойного лорда показалась до боли знакомой...

Мармадюк покачал головой и указал подбородком на стол. Я замолчала, лихорадочно придумывая варианты ответов. Про королеву я сказать не могу, просто не могу. Я поклялась! А дворянское слово, знаете ли, дорогого стоит. Но промолчать – тоже не выход. Так я выставлю себя воришкой, дворянского звания попросту недостойным.

– Это стрела, мой лорд, – промолвила я наконец.

Мармадюк поморщился, я продолжила.

– Судя по всему, вы допросили служанку, которой я вверил сей артефакт...

– Чья на ней кровь?

– Немного моей, но... – Я сглотнула, во рту было сухо и горько. – Когда я вышел от вас, мой лорд, на меня напали. От смерти меня спасла эта стрела.

– Кто напал?

– Не знаю, когда мне удалось освободиться, разбойник скрылся. Но это произошло не впервые, меня уже избивали похожим образом.

Покашливая и сглатывая, я поведала лорду-шуту об обоих своих сражениях.

Интереса в черных глазах Мармадюка не читалось, он кивнул почти рассеяно, тронул кончиком пальцев дровяную ручку, затем задумчиво произнес:

– Эта информация неплохо сосчитается с той, что нам уже удалось узнать. Эта стрела, любезный Цветочек, названа была ее создателем – «последний довод».

– Вы имеете в виду канцлера Этельбора? Великого колдуна?

– Именно. Подразумевалось, что в безвыходной, смертельной ситуации капля крови владельца высвободит всю волшебную силу, скрытую в стреле, и направит ее против врага. Последний довод...

– И мой враг...

– Жан Батист де Краон, чей труп мы обнаружили несколькими часами ранее за дровяным сараем у миньонских казарм.

Я вспомнила лорда де Краона, краснокамвольного миньона, с которым пересекалась от силы раза полтора в жизни.

– Он мертв?

– Мертвее некуда. Последние доводы, знаешь ли, примерно так и выглядят.

– Мне показалось, что в этот раз меня хотели не проучить, а именно лишить жизни. Я не знал обо всех свойствах этого артефакта, лишь о том, что стрела всегда попадает точно в цель. Мне сказали только об этом...

Слова звучали довольно жалко, ими я пыталась задавить чувство вины. Я убила человека. По незнанию или по неосторожности, но суть дела от этого не менялась.

– О желаниях де Краона ты теперь никогда не узнаешь. – Мармадюк, кажется, сознательно сыпал мне соль на раны. – А теперь о главном: кто дал тебе стрелу Этельбора и научил ею пользоваться?

Внутренности скрутило неожиданным спазмом, я схватилась за живот.

– Этого я не могу вам сказать!

– Четверть часа, Цветочек. – На столешнице появились песочные часы.

– Простите?

– Соображай быстрее, граф. У меня нет времени на твои детские увертки, и, как человек старой школы, я вынужден был прибегнуть к жестким мерам. Тебя нисколько не насторожило угощение во время допроса?

Еще один спазм.

– Вы отравили меня, мой лорд?

– Именно, чудесным старинным ядом, действие которого активируется предварительным разогревом. Чертоги Спящего уже приоткрыли для тебя створки парадных врат. Если ты туда не торопишься, – шут протянул ко мне раскрытую ладонь, на которой что-то лежало, – я дам тебе противоядие. Но лишь в том случае, если немедленно услышу правду.

Я покачала головой, демонстрируя растерянность, а вовсе не твердость, кашлянула, вытерла рот манжетой и уставилась на кровь, замаравшую некогда белый шелк. Невозможно! Это даже не коварство, а подлость! Мармадюк! Я так верила вам! Мне показалось, что я слышу звук сыплющихся песчинок.

Мой лорд смотрел на меня блестящими черными глазами, и читалась в них скука впере-мешку с брезгливостью. Ты дурочка, Басти. Ты почему-то решила, что жизнь при дворе похожа на сказку, где за каждое хорошее дело тебя ждет вознаграждение. А теперь представь, что в этой сказке вовсе не ты главный герой. Ты – пешка в шахматной партии, фигура, использование которой обеспечит продвижение вперед фигур более сильных.

Я всхлипнула:

– Предпочитаю умереть.

– Чтоб встретиться в чертогах с де Краоном и узнать, что же именно он имел в виду, надевая тебе на голову мешок?

– Вы же не ожидаете, что я рассмеюсь этой остроте?

Я откинулась на спинку, забыв, что сижу на табурете и, разумеется, рухнула на пол.

– Осталось десять минут.

Тогда даже подниматься не буду. Я легла на бок, сквозь красноватую пелену любуясь острыми носками туфель Мармадюка. Они были неподвижны.

– Кто, Цветочек? Кто дал тебе стрелу?

– Я дворянин, мой лорд, и не нарушу клятвы даже ценою жизни, – положив под щеку ладошку, я прикрыла глаза.

– Пять минут. Кто?

– Встречаются как-то на кладбище шут, менестрель и... дворянин. И последний говорит... Я вам ничего не скажу...

И прекрасные волшебницы, королевы фей Нобу и Алистер, подхватили меня в невесомые объятия и закружили в чародейском танце, увлекая за грань жизни. Чернота перед глазами разбавилась багровыми всполохами, боль, терзавшая внутренности, отступила и забылась. Все прекрасно, все хорошо, все удивительно... В чертогах Спящего пахло сандалом. Это было

все, что я могла ощутить, умерев, ну еще резкую боль в затылке, которым меня приложили, перенося через порог.

– Двести мокрых фаханов! – ругнулась одна из волшебниц мужским голосом.

– Что вы позволяете себе, лорд Мармадюк? – взвизгнули издали.

Потом вступил еще один голос, а я утомилась вслушиваться и приоткрыла один глаз. Конечно же, это были не чертоги Спящего, а предположим, покои ее величества королевы Ардерской. Потому что была здесь королева – одна штука, поднявшая глаза от вышивания, нарядные дамы количеством семь и пылающий камин, источающий тот самый сандаловый аромат, который привел меня в чувство.

Королева Аврора сказала:

– Подготовьте ванну, леди Сорента...

– Приветствую прекрасных леди, – сказала я.

– Прекрати сопеть мне в шею, – сказал Мармадюк. – Щекотно.

Одновременно до меня донесло:

– О Спящий, – набожно произнесенное звонким девичьим голоском.

Потом глаза опять заволкло алым, меня куда-то потащили, опустили, приложив затылком, чьи-то нежные ручки потянули завязки сорочки на груди.

– Оставьте, – велела королева, – я лично займусь нашим мальчиком.

Их мальчик постанывал и боролся с рвотными позывами, а затем охнул, ощутив, как его многострадальное тело погружается в горячую ароматную воду.

– Чем ты его отравил?

– Тиририйским желудем. – Мармадюк говорил прерывисто, откуда-то издали. – Помнишь эту милую штуку, которую любили добавлять в крем-супы неугодных вельмож во времена Ригеля Безумного?

– Четверть часа, – булькнула вода, видимо, в мою ванну добавляли некие эликсиры, – позже противоядие уже не подействовало бы.

– Он долго мне противился.

– А в результате?

– Предпочел смерть бесчестию.

Они помолчали, затем Аврора спросила:

– У тебя остались еще желуди?

– Да.

– Их нужно растолочь и добавить в тигель, это ускорит процесс. Отрава уже в крови, лучше будет выводить ее через поры.

– Шерези выживет?

– Непременно. И ему очень пойдет алмазная звезда миньона, которую ты вручишь ему вместе с извинениями.

На этой сладостной ноте я уснула.

В покоях ее величества я провела четыре дня, не выходя наружу и не общаясь ни с кем, кроме королевы и семи прекрасных фрейлин. Разоблачаться при посторонних мне не пришлось. Первую ванну я приняла прямо в одежде, а затем, когда слабость немного отступила, получила на смену огромный длиннополый шелковый халат, в который и заворачивалась, когда наступало время трапезы. Я много спала под шелковым королевским балдахинном и очень мало говорила, послушно принимая какие-то горькие настойки и без сил откидываясь на подушках после любого движения. Ее величество время от времени трогала мой лоб, а один раз даже поцеловала его, склонившись над постелью. Где проводила ночи сама Аврора, я не знала, ее спальня была в моем полном распоряжении постоянно, как и смежная с нею гардеробная с глубокой ванной и клозет. Утром пятого дня я смогла встать с постели самостоятельно, а леди Сорента принесла мужскую одежду. Камзол был лиловым и расшитым жемчугом. Я пере-

оделась в гардеробной. Коко-де-мер занял свое законное место, но доставил мне некоторое неудобство. От горячей воды он покорежился и даже треснул, в чем я убедилась после извлечения его и тщательного осмотра.

Я подняла глаза к зеркалу – огромной полированной медной пластине, закрепленной на глухой стене комнаты. Я был бледен и задумчив, лиловый цвет шел мне невероятно. Бастиан Мартере граф Шерези – красавец и миньон ее величества королевы Авроры. Говорила я в эти дни мало, зато слушала много и складывала обрывки услышанного в довольно занятные конструкции.

Все молодые люди, пострадавшие во время пожара в миньонской казарме, были живы, все, кроме одного. И именно он, ныне покойный Жан Батист де Краон, был повинен в этом преступлении. Мармадюк развил бурную поисковую и допросную деятельность и добился правды. Он нашел какого-то пажа, который что-то видел, затем другого, который что-то слышал, затем королевские медикусы сопоставили время смерти наследника Краонов со временем, когда я покидала покои лорда-шута, и осмотрели глубокую колотую рану в основании шеи, послужившую причиной смерти. Дело выглядело следующим образом: де Краон ненавидел меня всем сердцем, многие слуги слышали, как он грозился показать поганому выскочке Шерези, где его место, и пытался мне вредить в меру своего разумения. В ход шли грязные сплетни, о которых я даже не догадывалась, мелкие пакости, которых не замечала, и то самое первое нападение, во время которого мне пообещали выбить зубы. Кроме меня несчастный убийца ненавидел всех и вся, в его голове засела мысль, что только он достоин величия и привилегий, а все прочие – лишь помеха. Где де Краон раздобыл смертную бледь, фейский ядовитый порошок, запрещенный во всех пяти королевствах, выяснить не удалось, но именно этот яд был впоследствии обнаружен в камине миньонской казармы. Де Краон всыпал туда порошок, запер двери и окна и отправился отлавливать остальных соперников поодиночке. Спящих миньонов спасло лишь то, что ставни одного из окон оказались неплотно задвинуты. А меня спасла стрела. Об этом не говорили, но я-то знала, что без этой малышки дело закончилось бы очень быстро. Слухи заверяли, что отважный Шерези остановил убийцу, отважно сражаясь, и в этом бою пострадал. Именно эта графская отвага привлекла к нему сердце ее величества. Теперь королева Ардеры выхаживала всеобщего спасителя в личных покоях, а прочие пострадавшие отлеживались в госпитале под присмотром братьев-медиков. Когда он придут в себя и придут ли вообще, не знал никто. Смертная бледь недаром находилась под запретом, противоядия против нее человечеству известно не было. Медикусы бились над его рецептом, хабились шерстили старинные фолианты королевской библиотеки, но пока безрезультатно.

– К вам посетитель, граф, – из спальни возвестила леди Сорента.

Я взвесила на ладони покореженный коко-де-мер и еще раз взглянула в зеркало. Длинный, до середины колена камзол в любом случае скрывал бы графское мужское достоинство, так что в подчеркивании оного смысла не было.

В спальне ждал меня лорд-шут.

– Как ты себя чувствуешь, Цветочек?

Волосы Мармадюка за прошедшие дни отросли и теперь топорщились на голове, как хохолок птицы.

– Преданным? – ответила я задумчиво. – Подвергнутым поруганию от некогда любимого учителя и преданным.

– Любимого?

– У вас, мой лорд, некая избирательная глухота? Одно слово из десяти проникает в вашу голову через уши?

– Нет уж, погоди, Шерези, – шут хитро глянул на леди Соренту, топтавшуюся у кровати, и улыбнулся, – ты сказал, любимого учителя. Из чего я могу сделать вывод, что приглашен побороться за твою преданность с самой королевой.

– Я еще сказал – «некогда», и именно это слово в моей фразе было главным, мой лорд.
– Ну что ж, – он вздохнул сокрушенно, – что сделано, то сделано. Должен принести тебе извинения и...

Из-под полы кафтана появился футляр, я замерла, предвкушая, как получу свою звезду.
– ... преподнести тебе, мой любимый все еще, а не некогда, ученик, этот небольшой извинительный подарок.

Крышка футляра отщелкнулась, внутри лежала стрела. Я разочарованно фыркнула.

– После того как ты активировал сей артефакт своей кровью, – не замечая моего разочарования, продолжал Мармадюк, – я не смогу использовать его, такие вещи привязываются однажды и навсегда, по праву первой крови, как пугливая девственница к первому, кто...

На этом месте цветистого пассажа леди Сорента покинула спальню, прижимая к щекам ладони.

Я проводила ее взглядом.

– И теперь вы дарите мне негодную вещицу?

– Во-первых, не негодную, а бесполезную именно для меня. Она защитит тебя, Цветочек, будет тебе послушна и всегда будет доводить начатое до конца. Ты пожелал поразить де Краона, и она совершила это, перебив ему артерию, даже не будучи выпущенной из лука. А во-вторых, неблагодарный щенок, я согласен забыть, что ты вероломно похитил принадлежащую мне вещь, что будет моим вторым подарком.

Ох! Про воровство я как-то позабыла! Хотя Мармадюк-то прекрасно теперь знает, кто и при каких обстоятельствах мне ее подарил, не может не знать. Но раз его шутейшеству угодно продолжать притворяться, я не буду ему в этом препятствовать.

– Благодарю, мой лорд, – я поклонилась, сложив руки перед грудью.

Коко-де-мер мешал сомкнуть пальцы как полагается, но я очень старался. Или старалась... Или... Святые бубенцы, кажется, даже в мыслях я начала называть себя в мужском роде! Я теряю женское естество? Может, во время болезни я пропустила ночь, которую должна была провести без волшебного пояса? Может, владычица Нобу, покровительница вод и тьмы, теперь накажет меня за это?

Я тщательно пересчитала дни, мысленно загибая пальцы. Да нет, все в порядке, время терпит. Правда, место, где я смогу разоблачиться и провести ночь пред черным ликом своей феи-покровительницы, еще предстоит отыскать. Купальня для этих целей не подойдет. По слухам, весь двор и пристройки, где размещалась миньонская казарма, теперь заперты. Отрава там въелась в стены и в почву, и пройдет немало лет, прежде чем находиться на этой территории будет безопасно для человека.

Но о месте я подумаю потом. Сейчас есть другие дела.

– Где моя звезда, мой лорд?

Мармадюк посмотрел на меня удивленно:

– Какая звезда, Цветочек? Мы, кажется, еще не в таких с тобой отношениях, чтоб дарить тебе звезды.

– Ах, – отринув мысль, что фраза королевы прислышалась мне в бреду, я грозно сдвинула брови, – извинения я получил, к ним полагается алмазная звезда. Также мне хотелось бы узнать, где находятся мои друзья, с тем чтоб немедленно с ними увидеться, а также я требую от вас...

Паж Дэни ван Сол, проскользнувший в спальню бесшумно, как марево, и протянувший лорду-шуту некий свернутый в трубочку документ, видимо, избавил меня своим появлением от выслушивания глумливых замечаний. Мармадюк пробежал строчки глазами, шумно втянул воздух, будто ощутив его недостаток, и молча зашагал к выходу. Уже от двери он обернулся и кисло велел ван Солу:

– Отведи графа в его покои.

Одновременно он взмахнул рукой, я пригнулась, но не смогла избежать столкновения с крошечной коробочкой, обтянутой лиловым атласом. Коробочка стукнула меня по лбу и откатилась, мягко упав на ковер.

– Святые бубенчики! – ругнулась я.

– Извини, – точно таким же раздраженным тоном ответил лорд-шут.

Он отвернулся, а я, доведенная до белого каления, запустила в его спину коко-де-мером, ну просто потому, что до сих пор держала в руках и мужское достоинство, и футляр со стрелой, а стрелу мне было жалко.

Мармадюк, ловкая бестия, перехватил орех в полете и покинул нас, даже не обернувшись на пороге. Старый фахан! Мерзавец! Осел! Козел! Попугай! Чтоб ты подавился!

– Вы готовы следовать за мной, граф? – спросил меня ван Сол, поднимая с пола коробочку и протягивая мне.

– Открой! – велела я. Руки дрожали, грудь вздымалась, а в висках проколачивала себе путь наружу стайка трудолюбивых дятлов.

На белой атласной подложке лежала подвеска. Когда я мечтала об алмазной королевской звезде, она представлялась мне покрупнее и более лиловой. Ну, согласитесь, странно мечтать о фитюльке размером с ноготь большого пальца? Дэни моего разочарования не разделял. Он с таким благоговением уставился в коробочку, будто зрил там лекарство от всех болезней с камнем бессмертия до кучи.

– Где это подразумеваться носить? – спросила я, нарушая величие момента. – В волосах? На груди?

Я ринулась в гардеробную, отложила стрелу на призеркальную полочку и достала звезду, ограненный пятиконечный кристаллик в изящной серебристой оплетке. Работа ювелира была достойной, более чем достойной. В проволочное ушко над одним из лучей звезды было вдето нечто вроде колечка. Видимо, туда следовало пропустить кованую цепочку или нарядную ленту.

Я приложила кристалл к груди, на лиловом камзоле алмазная звезда попросту терялась. Современная мода, предписывающая мужчинам украшать свои одежды, сыграла с нею злую шутку. Лучше всего алмаз смотрелся у волос, у моих черно-пурпурных локонов, цветом которых я и моя матушка немало гордились.

Я поднесла награду к самым глазам. Колечко оказалось разъемным, достаточно было поддеть его ногтем, чтоб серебряное звено расщелкнулось.

– В Дювали обучают мужчин обращению с иглой? – спросила я почтительно дожидаящегося ван Сола.

– Простите?

Мужчины! Ардерские тугодумы! Я сокрушенно вздохнула. Мои швейные принадлежности лежали здесь же, на полочке в гардеробной, на них я и указала:

– Дэни ван Сол, лорд Дювали, будьте любезны достать из этого свертка самую тонкую и длинную иглу, затем прокалить ее острие над огнем свечи, которую следует предварительно зажечь... Я не слишком быстро говорю, вы успеваете за ходом моей мысли?

Видимо, в наших отношениях с пажом что-то безвозвратно изменилось, он первым обратился сегодня ко мне на «вы», я решила последовать его примеру.

Дэни кивнул:

– Граф желает, чтоб я шил?

Я закатила глаза под лоб и опять вздохнула:

– Граф желает, чтоб вы прокололи ему мочку уха. Потому самостоятельно граф этого сделать не может, руки его дрожат вследствие болезни, и он опасается, что не получится приложить достаточно усилий.

– А над огнем держать зачем? – Ван Сол уже зажигал свечу.

Я пожалала плечами. Моя фея, дарующая имена Илоретта, всегда настаивала, что это очень важно – предать сталь очистительному огню, прежде чем втыкать ее в живого человека.

– Если огня рядом не окажется, дочь моя, – говорила она, сверкая алыми, похожими на огонь глазами, – воспользуйся магией хмельной воды, но тогда смочи в ней не только иглу или нож, но и края раны. Если бы графский лекарь, латавший потроха твоего батюшки после той памятной охоты, когда его распорол дикий вепрь, последовал моим наставлениям, нам не пришлось бы расставаться с графом так рано. А тебе не пришлось бы изображать из себя наследника и мужчину. И вообще, многое могло бы сложиться совсем по-другому.

Об этом я пажу, разумеется, не поведала, ограничившись общим наставлением.

Руки ван Сола дрожали посильнее моих, когда он поднес иглу.

– Подождите, так дело не пойдет.

Я подвинула к зеркалу табурет, села на него, стянула волосы в плотный хвост, чтоб ни один волосок не выбивался наружу.

– Не бойтесь, крови не будет.

Я хотела уточнить, что не будет, если он не промахнется, но решила не пугать мальчишку еще больше.

Дэни склонился надо мной, я зажмурилась. Боль была резкой, но быстро закончилась, ван Сол вытащил иглу, приложил к горящему уху смоченный вином носовой платок.

Я покряхтела, подышала открытым ртом, затем, рассудив, что дело сделано, а ходить просто с дырявым ухом мужчины и дворянина, скорее всего, недостойно, вдела в свежую ранку колечко алмазной звезды.

Идеально! Мочка, конечно, слегка распухла, но через пару дней вернет себе исходный размер и цвет, особенно если мне удастся избежать нагноения. Не забыть бы вечером обработать ранку хмельной водой да покрепче, не дювальнойским молодым вином, а например огненным доремарским эликсиром, после глотка которого меняются в лице и задерживают дыхание даже опытные ветераны.

В зеркале я встретила взгляд пажа, восхищенно-завистливый, но скорее добродушный, чем злой. Дэни кривовато улыбнулся, живо напомнив мне другого дювальнойского лорда, о существовании которого мне хотелось бы уже забыть, и распустил завязку в моих волосах, локоны рассыпались, обрамляя мое бледное лицо, оттеняя алмазную королевскую звезду в мочке левого уха.

– Если вас выгонят со службы, лорд Дювали, – добродушно подначила я мальчишку, – вы вполне сможете зарабатывать себе на жизнь прокалыванием ушей всем желающим.

– Боюсь, граф, в таком случае я умру с голода, в Ардере не найдется много желающих подвергнуть свое тело подобному надругательству как среди мужчин, так и среди женщин.

– Ах, мой юный друг, – проговорила я с видом донельзя умудренным, – поверьте Бастиану Мартере графу Шерези, миньону ее величества, что очень скоро во всех цирюльнях и банях Ардеры процедура прокалывания ушей станет самой модной и востребованной.

Так я стала миньоном. Без многоступенчатых испытаний и экзаменов, без честной борьбы, просто оказавшись в нужное время в нужном месте. Наверное поэтому особого удовольствия в этот момент я не испытывала.

– Я провожу вас ваши покои, граф, – сказал Дэни.

– Проводи меня в королевский госпиталий, – сказала я, – покои подождут, я должен навестить Патрика лорда Уолеса, моего лучшего друга.

Лорд Мармадюк вбежал в свои покои, привычно спугнув своим появлением стайку фрейлин.

– Что опять стряслось? – Ее величество отвела взгляд от портрета Этельбора и поднялась из кресла, установленного напротив этого самого портрета.

Комната блистала чистотой и каким-то очень дамским уютom. Многослойная постель на ложе была аккуратно застелена меховым покрывалом, все доступные поверхности сверкали, лишённые привычных вековых залежей пыли, на столе появилась ваза с источающими аромат розами. Рядом на расстеленной рогожке стоял цветочный горшок, наполненный землей, видимо, в него собирались подсаживать розовые отростки. Если бы граф Шерези видел сейчас эти перемены, его любопытство о том, где проводит ночи Аврора, оставив за ним свою спальню, было бы удовлетворено. Где в результате этого обмена проводил ночи сам шут, так и осталось для всех загадкой.

Шут желал поговорить с ее величеством с глазу на глаз, о чем и сообщил без слов, быстро шлепнув ближайшую фрейлину по обтянутому атласом задку.

– Плебей! – успела взвизгнуть дева, увлекаемая за дверь стайкой товарок.

– Еще какой, милая, – согласился шут, подмигнув красотке и даже получив взамен несмелую призывную улыбку.

«Как все же развращает юные души и неокрепшие умы жизнь при дворе, – подумал он сокрушенно. – Еще полгода назад дело закончилось бы пощечиной и вызовом на дуэль от родственника оскорбленной леди. А что теперь? Теперь мне раздают авансы».

– Так что там? – поторопила его королева.

– Всеобщее падение нравов, – ответил Мармадюк, – свидетельствующее о...

О чем это свидетельствовало, шут придумать не удосужился.

– А ты стареешь, мой дорогой, – Аврора обняла себя за плечи и опять опустилась в кресло, – в прежние времена ты бы успел условиться о свидании с этой крошкой.

– Чтоб сразу после одного немедленно жениться на невинной овечке под занесенным клинком ее родича? Ну уж нет, дорогая, не настолько я стар, чтоб променять свободу на ад супружества. Кстати, об аде. – Мармадюк бросил на колени своей повелительницы свернутый трубочкой документ. – Доманское посольство почтит нас ровно через семь дней.

– И именно это вызвало твою тревогу?

Аврора давным-давно привыкла к порывистости своего друга, поэтому на невежливый жест никак не среагировала.

– А тебе не кажется, что все у нас складывается одно к одному? Сначала кто-то убивает в столице фею, затем покушается на миньонов, и вот в этот дивный момент доманцы проявляют к нам дружелюбный интерес и участие.

– Они ничего об этом не узнают, – отмахнулась королева, – подумаешь, посольство. Ну организуем бал, откроем винные погреба. Что это у тебя в руке?

Мармадюк посмотрел:

– Какой-то плод или семя, а может, орех?

Аврора приподнялась, вытянув голову:

– Какая забавная форма. Но он, кажется, поврежден?

– Он готовится прорасти, – уверенно отвечал Мармадюк и, пройдя через комнату, опустил коко-де-мер в приготовленный под розовую рассаду горшок. – Скоро мы узнаем, чем мне предлагалось подавиться.

Последнюю фразу королева не поняла, но уточнять ее значение не стала, углубившись в чтение.

Через некоторое время, когда шут закончил посадку дивного плода, а королева – чтение, она произнесла:

– Кажется, ты прав, мой дорогой. Это непростое посольство. Послание это не выглядит таким уж свежим, скорее заготовкой, пущено в ход при удобном моменте.

– Это все, что тебя насторожило?

– Состав, – Аврора кисло улыбнулась, – Рамос и Перес – благородные доны, коим доверено посольство, нам с тобой давно известны.

– Как лучшие доманские шпионы и интриганы, каких поискать. – Мармадюк вытер ладони о колени и подошел к своей королеве. – А у нас нет времени выяснять, что за авантюру задумали доманцы на этот раз. Нам нужно искать противоядие для твоих мальчиков и призвать в столицу лорда Краона для опознания тела наследника.

– Тебе тоже пришла в голову мысль о подмене?

– Это возможно, – кивнул шут. – И облегчило бы наши поиски представителя золотой кости, убившего фею.

– Я сегодня же лично напишу лорду Краону, – сказала Аврора. – Мы будем ждать его в Ардере в конце следующего месяца. Поиски противоядия пока отдадим на откуп лекарям и ученым, а приемом посольства придется заняться тебе. Доманцы не должны догадаться ни об одной из наших бед. Это будет непросто, наши придворные болтливы сверх меры. Кстати, чем занят ван Хорн после нанесенного ему поражения? Его я вижу самым слабым звеном в цепи нашей защиты.

– Он затаился, – отвечал Мармадюк. – И это тоже меня тревожит.

В комнату, кланяясь, вошел Дэни ван Сол с очередной кипой документов. Королева разложила их на столе, подвинув рогожку.

– Ты обустроил Цветочка в миньонских покоях? – спросил Мармадюк пажа.

– Нет, граф предпочел отправиться в госпиталий, где предался эпичной скорби над бесчувственным телом Патрика лорда Уолеса.

– Эпичной?

– Он рыдает, как девчонка, и даже, кажется, со слезами, – сообщил ван Сол. – Лекари опасаются уже и за его здоровье, поэтому прежде чем отправиться сюда, я забежал в миньонские покои и направил в госпиталий лордов Виклунда и Доре для оказания дружеской поддержки.

– Хороший мальчик, – решил шут.

И хотя лорд Мармадюк не уточнил, кого именно из мальчиков, Цветочка Шерези или Дэни ван Сола он имеет в виду, паж принял похвалу на свой счет и мило покраснел.

Глава 3

Черное полнолуние

Патрик лорд Уолес был самым красивым мужчиной в пяти королевствах. Даже сейчас, лежащий неподвижно на койке в госпиталии, бледный, измученный, почти бездыханный, он был красив. Его тонкие четкие черты лица, белоснежная кожа, золотистые волосы так и просились на эпичное полотно, которое я назвала бы просто и емко – «Скорбь». Скорбь была моя и она была безгранична.

До госпиталя я была в порядке, даже в неплохом настроении, потому что исполнение мечтаний обычно повышает настроение счастливец. Я стала миньоном – это ли не повод к радости? Я и радовалась, пока тихонько, потому что для полномасштабной радости мне были необходимы зрители, но радовалась. А потом меня ввели в длинный сводчатый зал, так похожий и не похожий на миньонскую казарму. Два ряда кроватей с неподвижными телами на них. Тяжелая тишина и тяжелый запах каких-то лечебных благовоний. Я замедлила шаги, рассматривая неподвижные лица своих друзей и приятелей. Эжен Лятре, Жан Алари, Анри Турень... Я знала их всех, имя каждого я могла назвать и называла, шепотом, сглатывая слезы, а на имени Патрика они хлынули неудержимо. Если бы я послушалась тебя, дружище, если бы осталась с вами вместо того, чтоб танцевать на балу с проклятым Гэбриелом, все сложилось бы иначе. И было бы гораздо лучше, лежи я сейчас на соседней койке, такая же бездыханная. По крайней мере, тогда меня не терзала бы боль потери.

Я рухнула на колени, опустив лицо, дурацкая стрела мешала, и я отбросила в сторону постылый артефакт лорда Этельбора. Братья-медикусы, поначалу отнесшиеся к моей скорби с пониманием, быстро утомились, попытались успокоить меня, бедняга паж тоже внес свою лепту, но все было бесполезно.

– Возьмите себя в руки, лорд Шерези.

Глумливый голос заставил меня поднять голову. Надо мною стоял Гэбриел ван Харт.

– Это все из-за тебя, – всхлипнула я. – Ты виновен в том, что мой любимый... друг... в том, что Патрик...

Я и раньше замечала, что стоит обвинить в своих бедах не себя, а кого-то другого, беды становятся не такими глобальными и вполне переносимыми. Ван Харт этой хитрости, видимо, не знал, потому что на его лице, по крайней мере, на той половине, которую не украшал шрам и которую мне удалось рассмотреть из своей коленопреклоненной позы, читалось недоумение.

– Смертная бледь, которой вы надышались в казарме, граф, не лучшим образом повлияла на ваш ум.

Действительно, что это я? Нашла кому и что предъявить! Нас же так мало осталось. Всего четверо из полутора сотен, четверо бравых миньонов нашей королевы! Я всхлипнула, теперь умильно, и обняла лорда ван Харта под коленями. Тот, разумеется, попытался шагнуть назад и, разумеется, упал на спину, не в силах сдержать напор моих дружеских чувств. Так мы и барахтались в межкроватьном пространстве, пока не были извлечены оттуда лордом Виклундом.

– Совсем наш Цветочек расклеился, – сокрушался великан, забрасывая меня себе на плечо. – Простите моему другу несдержанность. Старые раны...

– Его настроение меняется, как направление ветра, – негромко бормотал Станислас. – Если бы Басти был женщиной, я бы сказал...

– В этом случае я бы очень удивился, – сказал Ван Харт, – увидев на нем алмазную звезду.

– Неужели? – Виклунд перехватил меня под мышками, повертел, как тряпичную куклу, из стороны в сторону. – Действительно. Ай да граф, ай да наш жеребчик.

И мужчины заржали, невяно продолжив лошадиную тему беседы.

– Поставь меня на ноги, – велела я громко и потянула носом.

– Обещаешь не драться?

– И не лезть к окружающим с объятиями?

– И объяснить, каким образом тебе удалось разделить ложе с ее величеством?

– Драться не буду, объятия мои вам придется заслужить, а что касается вашего последнего вопроса, – оказавшись на полу, я покачнулась на каблуках и обвела всех троих собеседников грозным взглядом, – вынужден заметить, что считаю его недостойным мужчины и дворянина и оставляю его без ответа.

Я их пристыдила, Станислас даже покраснел и потянулся за спину к своей мандолине.

Мы были у кровати Патрика, я сокрушенно вздохнула, поправила краешек простыни на груди лорда Уолеса и обратилась с вопросом к ближайшему брату-медикусу. Тот заверил, что состояние нашего друга не внушает опасений больших, чем об остальных, что уход за ним осуществляется с достаточным тщанием, что ничего сверх того, что могут предоставить ему в госпиталии, больному не требуется. Брат-медикус был знакомым, именно он присутствовал при моем эпохальном аресте, его звали Гвичи, и я уважительно обратилась к нему по имени. Брат Гвичи светло и грустно улыбнулся на это. Маменька моя, дай ей Спящий здоровья, всегда говорила: «Собственное имя, услышанное из уст человека, обличенного властью, звучит слаще музыки. Запоминай, дочь моя, как зовут арендодателей, слуг, кузнецов и кухарок, прачек и повитух. Так ты приобретешь власть не силы, но любви». Сейчас я заслужила пусть не любовь, но явно расположение маленького медикуса. Он тоже поправил простыню на Патрике, и я поняла, что времени теперь моему другу он будет уделять больше.

О стреле я вспомнила позже, когда мы с друзьями уже покинули госпиталий. Но как вспомнила, так и забыла. Возвращаться не хотелось, я опять разревусь, опять впаду в неистовство, а мой организм, только оправившийся от отравления, мог этого и не перенести. Я попросила разыскать этельборов артефакт встреченного в коридоре пажа, тот поклонился в ответ, уважительно рассматривая мое левое ухо с королевским адамантом. Явно повысившийся статус графа Шерези вызывал во мне удовольствие, а тревогу – то, что настроение мое действительно болталось из стороны в сторону, как флюгер на ветру.

Гэбриел ван Харт нас покинул, попрощавшись с Оливером и Станисласом, и друзья повели меня в наши покои.

Тысяча мокрых фаханов, какой стыд! Я вспомнила, как обнимала колени ненавистного ван Харта и мысленно застонала. Что за комичная нежность? И это сразу после вспышки яркой, как огонь, ненависти. Почему меня так треплет? Я никогда не страдала истериками, никогда. Я была нормальной спокойной девой, возвращенной на природе, хорошо и разнообразно вскормленной, иногда порывистой, но веселой и благодушной. Даже в эти дни, когда женщинам вроде как положено проявлять плаксивость и прочие дамские чудачества, я ничего необычного не ощущала. Неужели...

– Мне нужно сначала посетить библиотеку, – сообщила я друзьям.

– Что тебя там интересует? Древние трактаты об искусстве любви? – напел Станислас.

Я отвесила ему затрещину:

– Какие из сплетен о моем неожиданном возвышении успели достигнуть ваших ушей?

– Все, – сказал Виклунд, – и мы с доремарцем решили не верить им.

– Почему же? Некоторые из них довольно эпичны.

– И противоречат друг другу. – Станислас потер затылок. – В узилище мы видели, что ты не был ранен. И когда ты успел убить де Краона? До узилища или после?

– И как? – Оливер окинул критическим взглядом мою фигуру от адамантовой звезды до кончиков мягких кожаных сапог. – Не с твоими данными, Цветочек, людей убивать.

– Что за оскорбление!

– Убить-то ты, конечно, мог, – великан примирительно обнял меня за плечо и увлек по дорожке в сторону замковой библиотеки, – ядом, например, или зашутить до смерти, но в бою, любезный Шерези, у тебя не было шансов. Мы же знаем, что твоя победа над здоровяком Туренем...

Мне захотелось расплакаться от обиды. Ох, Шерези, что-то ты неправильно понял в объяснениях феи, дающей имена, или с арифметикой напутал. А еще опять стал называть себя в мужском роде. Святые бубенцы! Мне нужно узнать точную дату затмения! А бессмысленные оправдания только отнимают время и путают мысли. К чему я вообще эту ерундовую беседу начал? Скажи правду, Бастиан, просто скажи правду своим друзьям.

– Я поразил де Краона стрелой.

– Не похоже, – покачал белоснежной гривой Виклунд. – Где ты добыл лук? Или воспользовался арбалетом?

– Мне хватило руки.

– Невозможно! От удара стрела бы преломилась, в ране остались бы обломки. Лорд Мармадюк позволил мне осмотреть тело, артерия была рассечена чем-то длинным и острым, я ставлю на стилет, к тому же удар нанесен сверху и слева.

– И о чем это говорит?

– О том, что при вашей разнице в росте де Краону пришлось бы сидеть перед тобою на корточках!

– А если Басти поразил соперника в прыжке? – Станислас, видимо, принял в споре мою сторону, мысли об этом вызвали быстротечный приступ умиления.

– Он правша, наш Цветочек, – вздохнул Оливер. – Ничего не сходится.

Я выдохнула:

– Хорошо, Оливер лорд Виклунд. Клянусь, ты узнаешь всю правду во всех подробностях. Если немедленно отведешь меня в библиотеку и подождешь, пока я выясню там то, что меня в данный момент интересует!

Он кивнул. Это все? Так можно было? Просто попросить не морочить мне голову некоторое время?

– Ты уверен, что нас туда пустят? – спросил Станислас.

– А кто сможет остановить Бастиана Мартере графа Шерези, миньона ее величества?

Библиотечный служитель у дубовой конторки сначала не понял, что именно мне от него нужно.

– Астрономический матрикул Арриана? Вы уверены, лорд? Может быть, ваше любопытство вызвал труд некоего Адриана Алансонского? В названии также фигурируют звезды, а сюжет повествует о приключениях соратников Спящего лорда в местах, населенных мифологическими волшебными существами. Представьте, в экспозиции лорды Отвага и Честь после попойки...

Я, конечно, уважала низкие жанры, но четко помнила, что Патрик Уолес говорил мне о своем учителе. Арриан был великим географом и астрономом, и если уж он не подсчитал точные даты полнолуний, на других ученых мужей надежды мало.

– Благодарю вас, лорд-библиотекарь, за познавательный рассказ, – смиренно перебила я служителя, чтоб не слушать продолжение скабрёзной историйки. – Но меня интересует именно матрикул. Ее величество требует от своих миньонов глубоких знаний.

Он посмотрел на меня, я сдула со лба челку, качнула серьгой, привлекая его внимание к алмантовой звезде.

Оливер и Станислав остались ждать нас у конторки, я же в сопровождении служителя углубилась в переплетение коридоров и коридорчиков, образованное шаткими, бесконечно высокими и длинными стеллажами.

Лорд-библиотекарь добродушно пояснял мне, следуя каким принципам, хранятся книги, посетовал на то, что искомый матрикул одолжить мне не сможет, а вот «Звездное путешествие» Алансонского выдал бы без малейших сомнений. Я вежливо отказалась, добродетельно закатив очи под самый лоб. Верхушки стеллажей терялись в высоте, меня слегка замутило от мысли, что в любой момент они могут рухнуть, став моей пыльной могилой.

– Здесь собраны труды, посвященные деяниям и легендам авалонских фей, – сообщили мне за очередным поворотом. – Все небесные явления нашего мира связаны с ними.

Коридор расширился достаточно, чтоб хватило места на стол с письменными принадлежностями и шаткий табурет при нем. Лорд-библиотекарь сверился с огромным фолиантом, лежащим на дубовой книжной подставке:

– Присаживайтесь, лорд Шерези. Вам будет дозволено делать записи.

По тону сказанного я догадалась, что мне только что оказали невероятную честь, поэтому изобразила лицом благоговение и благодарность. Открытого огня здесь не было, светильником служил мутноватый кристалл соли, установленный на столешнице и зажегшийся молочным светом, когда служитель поднес к нему ладонь.

Я села на табурет, ожидая, когда мне принесут искомое. За столом недавно кто-то работал. Чернильное пятнышко у светильника смазилось, когда я провела по нему пальцем. Прибрать за собой мой предшественник не удосужился. Я рассеянно поворошила стопку записок, видимо, черновиков. Взгляд выхватил имя Этельбора, какую-то сложную формулу, на уразумение которой моего обрывочного образования не хватало. На другом клочке быстрыми линиями некто изобразил генеалогическое древо, плоды которого обозначались лишь инициалами, заключенную в звезду букву «А» с завитушками, в которых угадывался шутовской колокольчик. Все это было, конечно, любопытно, но не более того. «А» – это, скорее всего, Аврора, хотя бы потому, что вынесена она на дальнюю ветвь, да и колокольчик явно указывает на близость Мармадюка. Спросить, что ли, служителя о том, кто именно сидел здесь до меня? Но лорд-библиотекарь принес матрикул, и я отвлеклась.

Эпохальный труд являл собой всего шесть грязноватых кожаных листов, сшитых по корешку толстой нитью. Покойный учитель Патрика был мужем основательным и чуждым велеречивости. Список был именно списком, хотя и снабженным подробнейшими сносками. Три основных небесных тела – лорд Солнце, Нобу, Алистер. Полнолуния происходят раз примерно в двадцать восемь дней, разделенные то одной неделей, то декадой, в зависимости от времени года и высоты лорда нашего Солнца в зените. Так... Двойное полнолуние... Затмения, двойные затмения, тройные затмения. Шесть листов, двенадцать страниц, исписанных бисерными буквами. Я потянулась к стопке чистой бумаги: нужно изобразить календарь этого года и отметить на нем полнолуния.

Я углубилась в расчеты, лорд-библиотекарь переминался у книжной подставки с ноги на ногу.

– Обещаю вам быть осторожным, – попыталась я его успокоить.

– Вы что-то сказали? – Он отвел взгляд откуда-то из-за моей спины. – Ах, простите, лорд Шерези. Дело не в недоверии, просто в библиотеке строгие правила: древние и ценные труды мы не можем оставлять без присмотра ни на мгновение.

За спиной что-то зашуршало, я обернулась, в ужасе ожидая обрушения стеллажей.

– Это в соседней секции, – служитель юркнул в коридорчик, – продолжайте, граф, я все исправлю.

Легко ему было говорить, а граф покрылся холодным потом и не мог сосредоточиться, прислушиваясь, пока лорд-библиотекарь не вернулся и не заверил его, что все в порядке.

– Это была крыса, мой лорд.

Граф прислушался к себе: крыс он не боялся даже в своей странной, истеричной ипостаси.

Поэтому я кивнула и вернулась к матрикулу, к тому же работа моя близилась к завершению. Я действительно ошиблась при подсчетах, потому что изначально брала за основу астрономию, а не ту простую посконную арифметику, которую любая ардерская девушка осваивает примерно в четырнадцать лет (хотя моя шерезская подруга Мари, по ее словам, познала эту премудрость в двенадцать). С удивлением я узнала, что наши дамские неприятности связаны с темной королевой, а точнее с ее расположением на небосводе, что человеческому глазу невозможно рассмотреть все ее состояния. Арриан описал в сносках восемь фаз луны, связав их с особенностями женских тел. Я вознесла хвалу Спящему за то, что наделил он ученого мужа ясностью и простотой изложения.

Я отложила перо. Так, еще раз, теперь на пальцах. Мое тело, тело Бастианы, всегда имело связь с пятой ипостасью нашей черной королевы, с полнолунием. И сегодня, уже сегодня, она (не Бастиана, разумеется, а Нобу) начнет стареть, то есть убывать. Полнолуние было сегодня ночью, я его не видела из-за отраженного света другой луны – белоснежной Алистер. Что это значит? Все пропало? Ах, Илоретта, что ж не предупредила меня обо всех этих проблемах? Ах, Бастиана, что ж ты ее подробнее не расспросила?

Я смотрела на лист бумаги, но ничего не видела. Я нарушила условие, я не провела ночь полнолуния у воды и без пояса. Я буду покарана. Да что там буду... Я уже покарана. Я разговариваю сама с собой, называю себя в мужском роде, злобствую по любому поводу. Что дальше? Безумие от истерии? Потеря человеческого облика? Мучительная смерть?

– Вам нехорошо, граф?

Лорд-библиотекарь, на которого я и не смотрела толком до этого, оказался молоденьким и сероглазым. У него впереди была длинная интересная жизнь, в отличие от меня.

Может, я успею все исправить? Может здесь, в библиотеке, в секторе, где собрана вся информация о феях, я найду способ спастись?

– Какой сегодня день? – спросила я, просто чтоб не молчать.

– Пятнадцатый, – ответил библиотекарь без запинки.

Я закрыла глаза, выдохнула, мысленно вознесла хвалу Спящему, открыла глаза. Пятнадцатый! Не шестнадцатый. Полнолуние сегодня ночью. Сегодня!

– Благодарю вас. О, благодарю, любезнейший лорд.

Я вскочила с табурета, подхватила свои каракули, зашуршала ими, складывая руки перед грудью в нижайшем церемониальном поклоне.

– Позвольте мне узнать ваше благородное имя, мой лорд!

– Мы всего лишь слуги в храме знаний, граф, – улыбнулся библиотекарь, – имена и титулы нам не нужны.

Я его даже не дослушала, умчавшись к своим друзьям. Мне срочно нужно было найти место, где я проведу сегодняшнюю ночь.

Так, спокойно, граф, то есть бежать-то вы можете продолжать. Но вот скачущим галопом мыслям извольте придать стройность. Место! Каким оно должно быть? Уединенным, граф. Максимально безлюдным и тихим. Вы, как выясняется, абсолютно не готовы к таинству полнолуния, поэтому удвойте предусмотрительность. Может, пред ликом черной королевы тело бедняжки Бастианы трансформируется в нечто невообразимое? Может, процесс доставит вам такую нечеловеческую боль, что вы не сдержите крик или стоны? А может, вас обуяет безумие и вы отправитесь бродить по замку подобно привидению? Значит что? Значит, в «месте» должна быть дверь, и она должна закрываться на ключ, а не на внутренний засов, который вы в помешательстве вполне сможете отбросить. Эх, какая жалость, граф, что вы не рискнете посвятить в свою тайну друзей! Как было бы удобно провести обряд под присмотром кого-то сильного вроде Оливера.

Я даже замедлила шаг, но потом тряхнула челкой и покачала головой. Меня перестанут уважать. Сразу и безоговорочно. Друзья прощают Цветочку некоторую эксцентричность, но не

простят изначального обмана. Они, Оливер со Станисласом, прежде всего мужчины и дворяне, а уже потом мои друзья. И к тому же раскрытие одной тайны повлечет за собой целую горную лавину секретов, и не всегда моих. Я предаю королеву.

– Нашел свой партитур? – Лорд Виклунд посмотрел на листок в моей руке.

– Это называется матрикул. – Я засунула бумагу за отворот камзола. – Да, мое любопытство удовлетворено.

– И именно твое удовлетворение настолько тебя нервирует?

– Цветочек, да на тебе лица нет! – Станислас прыгнул с конторки. – Ты узнал нечто ужасное? Куда теперь нам предстоит бежать в свете открывшихся тебе бездн?

Я посмотрела на доремарца, затем на великана. Нет, буду молчать до последнего.

– Не смею настаивать, друзья, но мне хотелось бы прогуляться в сторону миньонской казармы.

– Из-за денег?

– Каких еще денег?

– Которые ты зашил в свой матрас, Цветочек, и которые, возможно, до сих пор лежат там.

Если начистоту, меня больше интересовало, смогу ли я воспользоваться сегодня ночью купальней, своим прекрасно оборудованным тайным местом, но объяснение, предложенное мне любезнейшим лордом Доре, меня устроило.

Мы вышли из библиотеки. Граф Шерези с лордом Доре желали отправиться добывать мою кубышку немедленно, лорд Виклунд возражал, обозвав нас легкомысленными мальчишками. Оказывается, тайные вылазки делаются совсем не так, как мы, легкомысленные мальчишки, себе вообразили. Никто не позволит нам фланировать через кордоны стражи в места оцепления. Сначала надо все распланировать, затем добыть пропуск, чтоб не привлекать к аванюре болтливых шутов. На дело надо выдвигаться ночью, и, воспользовавшись тайным фонарем...

– Я восхищен вашим опытом, – перебила я лекцию по тактике, – лорд Виклунд, но я не собираюсь изображать лазутчика в королевском замке.

– Как вы предпочитаете действовать? – Оливер обиделся и тоже перешел на «вы».

– Как легкомысленный мальчишка!

За препирательствами мы незаметно подошли к приземистому строению.

– Теперь нам предписывается спать здесь, – сказал Станислас.

– В казарме пажей? Другого места у лорда Мармадюка для нас не нашлось?

– Это миньонская звезда сделала вас столь разборчивым, лорд Шерези? – Оливер все еще был обижен.

Требовалось срочно вернуть его расположение.

– Думаю, я смогу выпросить для нас лучшие условия, – начала я примиряюще, – давно вы здесь обитаете?

– Я рад, что вы наконец об этом спросили...

Мы прошли коридором, здороваясь со знакомыми и незнакомыми пажами, которые сновали как муравьи, миновали их комнатенки, свернули, потом еще раз. Станислас толкнул дверь, тяжелую и снабженную засовом, за ней оказалась винтовая лестница, по которой мы поднялись гуськом. Пригнуться пришлось даже мне, что уж говорить про Виклунда, который сложился почти вдвое, чтоб преодолеть ступени. Наверху оказалось еще две двери, менее массивные, левая была приоткрыта, туда меня и пригласили.

Мы оказались в спальне с двумя вполне приличными кроватями с балдахинами из плотного льна и узкой бойницей окна, у которого стоял одежный сундук.

– Здесь спим мы с лордом Доре, – сказал Оливер и присел на кровать.

– А я?

– А вам, мой юный друг, придется делить спальню с лордом ван Хартом.

– Оливер храпит, как дикий вепрь. – Станислас, кажется, хотел меня утешить.

– Так давай поменяемся?

– Хорошая попытка, Цветочек, – хихикнул доремарец, – но если выбирать, с кем ссориться, мне не хотелось бы лишиться расположения именно этого дикого вепря.

Ах так! Значит, теперь мы тут делимся на друзей и лучших друзей? Фаханы бесчувственные! Я не могу спать с врагом! Не могу и не буду! Только представив, что проведу ночь в комнате с Гэбриелом, я покрылась испариной. Они же знают, что он со мной сделал! Да как они могут требовать от меня... А Мармадюк? Хотя от него-то я привыкла ждать чего угодно. С некоторых пор его имя тоже в моей гипотетической книжечке врагов!

– А еще здесь нет клозета и умывальни, – продолжал Станислас, – так что...

– После покоев королевы блистательному лорду Шерези будет неудобно мочиться в окно, – ядовито продолжил Виклунд.

Я покраснела:

– Если вы, лорд Виклунд, решили окончательно порвать со мною дружеские связи, не стоит мелочиться. Желаете сразу вызвать меня на дуэль? Хотя о чем это я. Вы не сможете вызвать на бой дворянина, находящегося выше вас по статусу, просто потому, что вам этого хочется, вам нужен повод. – Меня замутило, желудок сжался, рот наполнился горькой слюной. – Что ж, извольте, тогда я вызову вас. Графу Шерези, миньону ее величества, повод не нужен.

Я подбежала к окну, оно оказалось закрытым решеткой, я искала глазами умывальный таз, не обнаружила его и пискнула:

– Меня сейчас вырвет!

– Станислас! – скомандовал Оливер, доремарец выбежал из комнаты, а великан схватил меня за плечи и потянул к себе. – Ложись! Да не на кровать, дурень, на пол, боком ложись, иначе захлебнешься, вот так, дыши...

Я дышала широко открытым ртом, чувствуя, как по щеке стекает дорожка слюны. Прибежал Станислас с медным тазом, Оливер громыхнул крышкой сундука:

– Пей!

О зубы стукнулось горлышко бутылки, теперь по щеке тек обжигающий алкоголь.

Оливер ругнулся, сел на пол, положил себе на колени мою голову и принялся поить меня из бутылки, как кормилица чужого, но любимого младенчика коровьим молоком.

Полегчало мне минут через десять или после трети бутылки ядерного доремарского самогона, называемого почему-то эликсиром.

– Давно вас отпустили? – спросила я заплетающимся языком, склоненное лицо Виклунда я видела как в тумане.

– В тот же день, когда тебя отвели на допрос, а обратно не вернули.

Оливер приложился к бутылки, мне было видно, как дергается его кадык, когда в великаново горло полилась огненная влага.

– Мармадюк сообщил нам, что королева сделала свой выбор и что мы можем не ждать тебя в ближайшую неделю.

– Он меня отравил, – я икнула, – Мармадюк. Каким-то тиририйским каштаном, а ее величество – вылечила.

– Надеюсь, лекарство было приятным? – Доремарец сидел на кровати и перебирал струны мандолины, поэтому вопрос получился напевным.

– Обычным, – пожала я плечами.

– Зачем? – Оливер оттолкнул мою голову с коленей, заставляя подняться. – Зачем лордшут тебя травил?

– Проверял мою стойкость, смею предположить. По крайней мере, именно так он оправдывался перед королевой. А может, действительно хотел уморить, но потом испугался.

– Мармадюк? – Виклунд хихикнул, как деревенская девчонка, которой сообщили о размере мужского достоинства ее кавалера более опытные товарки. – Да ему два десятка Цветочков немножко прибить – разминка перед завтраком! Испугался!

– Значит, это действительно была проверка, и я ее прошел. – Я села прямо, поджав под себя ноги, и потянулась к бутылке. – Дай глотнуть.

– Тебе хватит! – не дал мне выпивки Виклунд. – Тиририйский желудь, желудь, Цветочек, а не каштан – штука, конечно, не особо мощная, но желудок тебе придется беречь еще месяца два.

– Ты знаешь этот яд?

– Конечно. Его ценят не за быстроту действия, а за вкус и еще за то, что он становится смертелен только при нагревании.

Я вспомнила, как Мармадюк доставал его из жаровни, и меня передернуло.

– А что именно лорд-шут хотел узнать? – неожиданно спросил Станислас.

Вот так всегда. Только я представлю окружающих добродушными простаками, они показывают мне фахановы рожки, намекая, что за каждой маской болвана прячется хитрый тип. Но, знаете ли, за личиной Цветочка Шерези скрывается тоже отнюдь не полевая фиалка.

– То, как мне удалось победить де Краона.

Я выдержала паузу и обвела присутствующих тяжелым взглядом.

– В ночь пожара мне в руки попал старинный артефакт, стрела, изготовленная самим чародеем Этельбором, носящая название «последний довод».

– Ты имеешь в виду последнего канцлера?

– Именно! Последний канцлер и последний довод! Неужели канцлер не может быть чародеем, а чародей – канцлером?

– Не отвлекайся, – велел Виклунд, – эту твою горячую манеру уводить разговор в бессмысленные споры мы уже прекрасно изучили.

– Последний довод активируется кровью. То есть я тогда об этом не знал, я думал, что артефакт поможет Станисласу пройти испытание в стрельбе. Ведь представьте себе, эта волшебная стрела попадает точнехонько туда, куда пожелает выпустивший ее из лука.

– Мне очень хочется рассмотреть это чудо поближе!

– У тебя не было лука, – напомнил мне Оливер, – когда ты повстречал де Краона. Кстати, где это было?

– На том же самом месте, где и в первый раз. – Мне показалось, что из-за приоткрытой двери потянуло сквозняком, но я продолжала быстро рассказывать: – Я шел в казарму, стрела была при мне, когда мне на голову набросили мешок, я упал и стрела оцарапала мне руку. Лорд Мармадюк считает, что именно капля моей крови оживила артефакт.

– Де Краон хотел тебя убить или просто испугать?

– Теперь я об этом не узнаю, но мне показалось, что... – Я быстро вздохнула и вытерла глаза тыльной стороной ладони, слез не было, ардерские мужчины не плачут. – Дальше стрела все сделала сама. Я нашел ее неподалеку, когда выпутался из мешка. Она была в крови, не моей, и также кровь была повсюду, видимо, де Краон ... пошел туда, где и умер.

– У окна казармы, его нашли у кухонного окна, он, скорее всего, пытался открыть ставню, и, допуская, именно эта щель позволила выжить всем нашим пострадавшим.

Я опять вздохнула.

– Ты претерпел такие муки, – пропел Станислас.

Ах, кто бы спорил, мне не хотелось. Оливер молчал, я посмотрела, разделяет ли он восхищение мною, пострадавшим, но встретила пустой взгляд, великан прислушивался.

– Это вы, лорд ван Харт? – спросил он довольно громко.

– Я в спальне, лорд Виклунд, – донеслось издали, – паж ван Сол передал для нас повеление от лорда Мармадюка предстать через час перед королевским советом.

– Кого именно «нас»?

– Одну минуту, лорд. – Голос приближался, сопровождаемый уверенными шагами. На пороге появился Гэбриел. – Перекрикиваться через переднюю несколько утомительно.

Он протянул Оливеру свернутый пергамент:

– Извольте сами прочесть.

Я смотрела на пергамент, на Виклунда, на таз, на решетку окна, на что угодно, только чтоб не встретиться взглядом с серыми глазами.

Оливер прочел:

– Твоя вылазка в казармы откладывается, Цветочек. Пред королевским советом должны предстать все четверо. Предлагаю посетить их после отбоя.

Фахан! На ночь у меня другие планы. И, к слову, никак не связанные с соседней комнатой, где будет ночевать сероглазый Гэбриел. Так чего я заранее испугалась? Если сегодня я справлюсь с черным полнолунием, буду пугаться завтра. Потому что, если не справлюсь, бояться мне придется совсем других вещей. Испытанное облегчение, видимо, отразилось на моем лице.

– Ты опять хочешь спорить, граф? – строго спросил Оливер.

– Если позволите, – протянул ван Харт, избавляя меня от необходимости отвечать Виклунду, – я предостерегу вас от посещения миньонских казарм.

– Цветочек не боится стражи, – улыбнулся Станислас, перегнувшись и тронув пальцами мой адамант.

– Дело не в страже, а в яде, господа. Смертная бледь впиталась во все, чего коснулась. Вас не удивило, что всю вашу одежду у вас изъяли, ведь даже мандолина, лорд Доре, у вас теперь новая?

Я посмотрела на инструмент Станисласа: разницы не заметно, но для меня все мандолины были, так сказать, на одно лицо.

– Там настолько опасно находиться?

– Да, господа. Поверьте, я первым побежал бы в купальню, где остались многие ценные для меня вещи, но не делаю этого.

Точно! Кроме всяких алхимических эликсиров, помнится, ван Харт (тогда еще ван Хорн) хранил в купальне массивный сундучок с монетами, и там было побольше, чем осталось в моем матрасе. Ах, какая жалость! Интересно, а за какое время золото очистится? Смогу ли я когда-нибудь получить свои деньги обратно?

О чем ты думаешь, Басти? Никакое золото мира не поможет тебе, если ты не сможешь уединиться сегодня ночью. Купальня не подходит, все, проехали и забыли.

– Благодарим за совет, лорд ван Харт. – Оливер поклонился. Оттого, что делал он это, сидя на полу, вышло слегка комично. – Мы ему последуем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.